
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

БѢЛИНСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Д. СВІЯЖСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ѳ. СТЕЛЛОВСКАГО.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 27-го сентября 1860 года.

Ценсоръ Е. Волковъ.

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
БѢЛИНСКІЙ.

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

БѢЛИНСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Д. СВІЯЖСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.
ТИПОГРАФІЯ Ѳ. СТЕЛЛОВСКАГО.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 27-го октября 1860 года.

Ценсоръ Е. Волковъ.

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

БѢЛИНСКІЙ.

—

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

И съ каждымъ днемъ окружена тѣсней,
Затеряна давно твоя могила
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила....

Н. Некрасовъ.

Есть имена въ исторіи каждаго народа, которыя ярко и долго будутъ свѣтить среди мерцавшихъ и потухавшихъ свѣтилъ, и станутъ не однимъ пустымъ звукомъ для многихъ поколеній, для которыхъ память объ этомъ имени связана съ собственнымъ своимъ логическимъ развитіемъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ свѣтлой, передовой личности своего учителя. Къ числу такихъ именъ, которыхъ у насъ немного, принадлежитъ и имя Бѣлинскаго.

Бѣлинскій, съ небольшимъ кружкомъ своихъ дѣятелей, между которыми онъ сдѣлался центромъ, былъ замѣчательнымъ и первымъ фактомъ той самостоятельности, которой достигла русская мысль и русская критика. До Бѣлинскаго наша критика находилась еще въ томъ дѣтскомъ возрастѣ, въ возрастѣ перехода, когда не вырабатывается еще своего мнѣнія и не можетъ быть ясности и законченности въ основныхъ воззрѣніяхъ. До Бѣлинскаго, наша критика была броженіемъ то французскихъ, то нѣмецкихъ теорій, и если иногда, при оцѣнкѣ нѣкоторыхъ литературныхъ явленій, и высказывала много дѣльныхъ замѣчаній, то, при всемъ этомъ, оставляла многое недосказаннымъ, не охватывала предметъ со всѣхъ сторонъ и примѣшивала къ мѣткимъ замѣткамъ и указаніямъ самыя странныя недоразумѣнія. Вообще, мнѣнія лучшихъ критиковъ, предшествовавшихъ Бѣлинскому, очень скоро, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, оказывались совершенно несостоятельными и односторонними. Такимъ образомъ, люди, до 1829 года восхвалявшіе критическія статьи Полеваго, съ 1829 года, читая критику Надеждина, поняли, что Полевой былъ вовсе не глубокій критикъ и совершенно не понималъ многихъ явленій нашей литературы. Самыя статьи Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы» представляютъ самую странную смѣсь дѣльныхъ и вѣрныхъ взглядовъ съ мнѣніями, которыхъ нельзя ни чѣмъ защитить; у него часто одна половина статьи уничтожается другою половиною. Не таковы критическія статьи Бѣлинскаго: сила и самостоятельность его таланта такъ велика, что наша критика до сихъ поръ живетъ преимущественно началами, высказанными имъ въ Отечественныхъ Запискахъ и потомъ въ Современ-

никѣ, не смотря па то, что въ ней подвизаются люди даровитые и ученые. Люди нашего поколѣнія помнятъ какъ нетерпѣливо ожидалась, въ то время, каждая книга Отечественныхъ записокъ. Цѣлое поколѣніе молодежи было воспитано его критическими статьями. Все это достигается не даромъ.

По случаю выходящихъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, издаваемыхъ Солдатенковымъ и Щепкинымъ, невольно является сильная потребность у каждаго, знать вообще весь ходъ его критической дѣятельности и значеніе его характера, какъ русскаго критика. Свѣдѣнія біографическія также всѣмъ интересны, какъ поясняющія намъ собственную личность Бѣлинскаго. По этому, представляемый мною очеркъ я нахожу болѣе чѣмъ когда нибудь своевременнымъ уже по одному тому, что онъ можетъ вызвать трудъ, болѣе полнѣйшій и богатѣйшій матеріалами, какъ о жизни, такъ и о дѣятельности Бѣлинскаго. Въ своемъ очеркѣ я старался собрать, по возможности, все, что было говорено или писано о жизни нашего критика, и систематически прослѣдить за нимъ въ его критической дѣятельности и постоянномъ стремленіи къ самостоятельности своей мысли, чего онъ и достигъ въ послѣдній періодъ своего журнальнаго поприща. Кромѣ того, подобный очеркъ необходимъ въ настоящее время для того, чтобъ пояснить рѣзкій поворотъ дѣятельности Бѣлинскаго, по переѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ. Переломъ этотъ многіе противники Бѣлинскаго ставили ему въ упрекъ, какъ доказательство шаткости его убѣжденій. Эти люди ни какъ не хотѣли видѣть въ этомъ благородномъ самоотреченіи, во имя правды и науки, честнаго, геройскаго поступка человѣка, который смѣло

и публично готовъ отрѣчься отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, нашедши ихъ несостоятельными.

Такимъ образомъ, дѣятельность Бѣлинскаго самымъ ходомъ дѣлъ дѣлится на два періода: московскій и петербургскій.

Но прежде, чѣмъ начать говорить о Бѣлинскомъ, какъ о критикѣ, нужно по возможности сдѣлать хоть слабый опытъ его біографіи изъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыми мы обладаемъ. Можетъ быть, нашъ опытъ наведетъ другихъ на мысль написать полную его біографію, въ которой яснѣе и ярче обрисуется личность Бѣлинскаго.

В. Г. Бѣлинскій былъ сынъ Чембарскаго уѣзднаго штабъ-лекаря. Отецъ его, уроженецъ изъ Польши или западныхъ губерній, былъ бѣдный, неразвитый и грубый человѣкъ, представитель той пошленькой уѣздной среды, гдѣ основной принципъ жизни есть грязное взяточничество, пьянство и мелкія дрязги. Общество, которое собиралось у лекаря, состояло большею частію изъ городскихъ чиновниковъ, членовъ Полиціи, вообще, изъ лицъ, которыхъ онъ лечилъ. Въ этомъ то обществѣ жилъ Бѣлинскій; и такъ какъ оно предъ нимъ не стѣснялось и совершало свои циническія оргіи, съ разсказами о своихъ мелкихъ продѣлкахъ и взяточничествѣ, то въ чистомъ мальчикѣ эта смрадная среда, съ отвратительными сценами, съ дѣтскихъ лѣтъ пробудила ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному, въ чемъ бы и подъ какими бы формами оно не проявлялось въ обществѣ или литературѣ. Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнью. Только съ жизнью онъ и покинулъ ихъ. Сфера въ которой онъ на-

чалъ дышать, гадкое общество, окружавшее его съ малолѣтства, горе, нужда, бѣдность, — все это объясняетъ намъ отчего его произведенія часто были такъ желчны и злы, отчего съ языка его иногда срывались громкія проклятія.

Бѣлинскій впослѣдствіи самъ разсказывалъ, что изъ своей семьи онъ не вынесъ ни одного привѣтнаго воспоминанія. Какъ то, однажды, когда Бѣлинскому было 10 или 11 лѣтъ, отецъ его, возратившись съ одной попойки, сталъ бранить сына безъ всякаго повода. Ребенокъ началъ оправдываться. Взбѣшенный отецъ ударилъ его и повалилъ на землю. Мальчикъ всталъ пересозданнымъ; оскорбленіе и несправедливость сразу разбили въ немъ всѣ чувства родства — и онъ до самой смерти своей сохранилъ какой-то трепетъ и ужасъ передъ необузданной семейной властью.

Вотъ въ какой школѣ Бѣлинскій началъ свое воспитаніе! Какъ было уже говорено, отецъ его былъ человѣкъ бѣдный. Семейство его, сколько извѣстно, состояло изъ трехъ сыновей и одной дочери. Нѣкоторые члены его семейства были еще живы не такъ давно. Одинъ изъ его братьевъ въ 1857 г. служилъ корректоромъ во 2 отдѣленіи Собственной Е. В. канцеляріи; сестра его, Александра Григорьевна, была замужемъ за штатнымъ смотрителемъ нижнеломовскихъ училищъ, Козьминымъ.

Въ концѣ 1823 года, отецъ В. Бѣлинскаго отдалъ его въ Чембарское уѣздное училище. Нѣкоторыми свѣдѣніями объ этомъ времени мы обязаны г. Лажечникову, въ неизданныхъ запискахъ *) котораго нашли нѣ-

---

*) Отрывокъ изъ которыхъ помѣщенъ въ Московскомъ Вѣстникѣ 1859 года.

сколько теплыхъ и интересныхъ страницъ о дѣтствѣ и первой юности Бѣлинскаго. Мы рѣшаемся воспользоваться этими единственными источниками, которые указываютъ на это время жизни нашего перваго русскаго критика.

Вотъ что пишетъ г. Лажечниковъ.

«Въ 1823 году, ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ тогда только что для него отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность, съ перваго взгляда, привекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ: худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо, казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно. Такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора, между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказанію науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу, (отчего я тутъ же назвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частію своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги неположенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его.... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, а также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по

учебной книжкѣ. Напротивъ, лице добраго и умнаго смотрителя, сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. — «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря,» сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжечку, на заглавномъ листкѣ которой подписалъ: 'Виссаріону Бѣлинскому, за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное), отъ такого-то такому-то. Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства.

«Какъ говорилъ смотритель, Бѣлинскій гулялъ часто одинъ, не былъ сообщителенъ съ товарищами по училищу, не вмѣшивался въ ихъ игры и находилъ особенное удовольствіе за книжками, которыя доставалъ гдѣ только могъ.»

Вотъ тѣ немногія, но характерныя данныя, которыя имѣемъ мы о первыхъ шагахъ къ образованію Бѣлинскаго на скамейкѣ уѣзднаго училища.

Далѣе, г. Лажечниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Бѣлинскій въ августѣ 1825 года (изъ просьбы отца начальству гимназіи о пріемѣ его въ учебное заведеніе видно, что ему было тогда 14 лѣтъ), былъ переведенъ въ пензенскую гимназію. Изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ гимназическихъ вѣдомостей, видно, что Бѣлинскому въ 3-мъ классѣ отмѣчено: изъ алгебры и геометріи — 2, изъ исторіи, статистики и географіи—4, изъ латинскаго—2, изъ естественной исторіи—4, французскому и нѣмецкому языкамъ неучился.

(Высшій балъ въ то время былъ 4). Въ генварѣ 1829 года показано, что «за нехожденіе въ классъ не рекомендуется,» а въ февралѣ вычеркнутъ изъ списковъ, гдѣ рукой директора помѣчено: «за нехожденіе въ классъ.» Вотъ все, чѣмъ напутствовала Бѣлинскаго пензенская гимназія; не больше этого лестна, какъ мы узнаемъ далѣе, аттестація, которой наградилъ его московскій университетъ. Впрочемъ, объясненіе этой лаконической аттестаціи въ слѣдующемъ интересномъ свидѣтельствѣ любимаго, уважаемаго имъ учителя, М. М. П-ва.

М. М. былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и лучшихъ учителей пензенской гимназіи. Развитой и ученый человѣкъ, онъ съ свѣтлымъ умомъ и основательнымъ образованіемъ успѣлъ соединить прекрасное сердце и поэтическую душу. Всѣ ученики искренно любили его, всегда съ охотой и любовью слушали его лекціи. Бѣлинскій былъ его любимцемъ и въ школѣ этого-то честнаго наставника первый развилъ въ себѣ любовь къ литературѣ и ко всему прекрасному.

Вотъ тѣ любопытные свѣдѣнія, которые М. М. П-въ оставилъ о своемъ любимомъ ученикѣ.

«Въ гимназіи, по возрасту и возмужалости, онъ во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась въ послѣдствіи, онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его, между хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобъ отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобъ кто нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ, видимо, былъ безъ женскаго призора, носилъ

платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ и пошелъ въ могилу.»

«.....Впрочемъ, зачѣмъ перечислять учителей? Нѣкоторые изъ нихъ были ученые люди, съ познаніями, да умъ Бѣлинскаго-то мало выносилъ познаній изъ школьнаго ученія. Къ математикѣ онъ не чувствовалъ никакой склонности; иностранные языки, географія, грамматика и все, что передавалось по системѣ заучиванія, не шло ему въ голову. Онъ небылъ отличнымъ ученикомъ и въ одномъ которомъ-то классѣ просидѣлъ два года.»

«Надобно, однакожъ, сказать, что Бѣлинскій, не смотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ западало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ своимъ пылкимъ умомъ; еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи. Бывало, проэкзаменуйте его, какъ *обыкновенно* экзаменуютъ дѣтей, онъ изъ послѣднихъ; а поговорите съ нимъ дома, по дружески, даже о точныхъ наукахъ, онъ первый ученикъ. Учителя словесности были не совсѣмъ довольны его успѣхами, но сказывали, что онъ лучше всѣхъ товарищей своихъ писалъ сочиненія на заданныя темы.»

«Во время бытности Бѣлинскаго въ пензенской гимназіи, преподавалъ я естественную исторію, которая начиналась уже въ 3 классѣ. (Тогдашній курсъ гим-

назическій состоялъ изъ четырехъ классовъ). По этому онъ учился у меня только въ двухъ высшихъ классахъ. Но я зналъ его съ первыхъ, потому что онъ друженъ былъ съ соученикомъ своимъ, моимъ роднымъ племянникомъ, и иногда бывалъ въ нашемъ домѣ. Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. Скоро я полюбилъ его. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ не равный мнѣ; но не помню, чтобъ въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ.»

«Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи, онъ, съ другими учениками, слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ, я шелъ по филологическому факультету и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ предъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время учителемъ, сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или ориктогнозіи и старался держаться этого берега, но съ средины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюфона натуралиста я переходилъ къ Бюфону писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его «картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру—въ сочиненіяхъ Та-

цита и Шекспира, къ поэзіи—въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... Бывало, когда отправляюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городскаго гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій приставалъ ко мнѣ съ вопросами о Валтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодые сердца.»

«Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: «келья въ чудовомъ монастырѣ.» Онъ и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему, высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю: дайте еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностію: «совершенно справедливо.»

«Журналистика наша въ двадцатыхъ годахъ выходила изъ дѣтства. Полевой передавалъ по Телеграфу идеи запада, все, что являлось тамъ новаго въ области философіи, исторіи, литературы и критики. Недоумко смотрѣлъ изъ подлобья, но глубже Полеваго, и знакомилъ русскихъ съ германской философіей. Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полеваго и Надеждина.»

«Онъ уѣхалъ въ Москву въ 1829 году, для поступленія въ московскій университетъ.»

Въ 1830 году, бывшій наставникъ Бѣлинскаго, М. М. П-въ, задумалъ изданіе альманаха и началъ приглашать къ себѣ въ сотрудники изъ Пензенцевъ мно-

гихъ даровитыхъ молодыхъ людей. Вотъ письмо, писанное по этому поводу 19-лѣтнимъ Бѣлинскимъ, своему старому учителю. Письмо это интересно потому, что въ немъ уже видѣлся честный и гордый характеръ нашего будущаго дѣятеля, который не измѣнился въ немъ ни отъ какихъ обстоятельствъ и невзгодъ всей его жизни.

Вотъ это письмо:

Москва, 1830 г. апрѣля 30 дня.

М. Г.

М. М.!

Въ чрезвычайное затрудненіе привело меня письмо моего родственника: «М. М., пишетъ онъ, издаетъ съ И. И. Лажечниковымъ альманахъ и черезъ меня просилъ васъ прислать ему вашихъ стихотвореній, самыхъ лучшихъ.» Не могу вамъ описать, какое дѣйствіе произвели на меня эти строки: мысль, что вы еще меня не забыли, что вы еще также ко мнѣ благосклонны, какъ и прежде; ваше желаніе, котораго я, не смотря на пламенное усердіе, не могу исполнить, все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти на перекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя; хочу ихъ выразить стихами и не

могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выразить свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не укладываются въ стопы и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатаго и ничего оконченнаго и обработаннаго, даже такого, чтобы могло помѣститься не только въ альманахѣ, гдѣ сбирается все отличное, но даже и *«въ Дамскомъ журналѣ.»* Въ первый еще разъ, я съ горестью проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозою.

Мнѣ давно нужно было писать къ вамъ; но я не могу самъ понять, что меня отъ сего удерживало, и въ семъ случаѣ столько передъ вами виноватъ, что не смѣю и оправдываться.

Вы писали обо мнѣ И. И. Лажечникову, я это предчувствовалъ въ то время, какъ вы вручали мнѣ письмо. Благородный человѣкъ! скажите: чѣмъ я могу вамъ заслужить за это? Столько ласкъ, столько вниманія и, наконецъ, такое одолженіе! Ищу словъ для моей признательности и не нахожу ни одного, которое могло бы выразить оную. Вы доставили мнѣ случай видѣть человѣка, котораго я всегда любилъ, уважалъ, — видѣть и говорить съ нимъ. Онъ принялъ меня очень ласково и, исполняя ваше желаніе, просилъ обо мнѣ нѣкоторыхъ изъ г.г. профессоровъ; но просьбы его и намѣреніе оказать мнѣ одолженіе не имѣли успѣха: ибо я, по стеченію нѣкоторыхъ, неблагопріятныхъ для меня обстоятельствъ, не могъ ими пользоваться.

Я не изъ числа тѣхъ низкихъ людей, которые тогда только чувствуютъ благодарность за прилагаемые о нихъ старанія, когда оныя бываютъ не тщетны. Хотя моимъ поступленіемъ въ университетъ я никому не обязанъ, однако на всегда останусь благодарнымъ вамъ и И. И. Если ваше желаніе споспѣшествовать устроенію моего счастія не имѣло успѣха, то этому причиной не вы, а постороннія обстоятельства. Такъ, милостивый государь, если моя къ вамъ признательность, мое безпредѣльное уваженіе, искреннее чувство любви, имѣютъ въ глазахъ вашихъ, хотя нѣкоторую цѣну, то позвольте увѣрить васъ, что я оныя буду вѣчно хранить въ душѣ моей, буду ими гордиться. Умѣть цѣнить и уважать такого человѣка, какъ вы, есть достоинство; заслужить отъ васъ вниманіе есть счастіе.

Но можетъ быть, я утомилъ васъ изъясненіемъ моей благодарности. Извините меня, строки сіи не суть слѣдствіе лести; нѣтъ, это изліяніе души тронутой, сердца — исполненнаго благодарности, какъ мысль о томъ, кому посвящаются. *Для меня нѣтъ ничего тягостнѣе, ужаснѣе, какъ быть обязаннымъ кому-либо:* вы дѣлаете изъ сего исключеніе и для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ изъявлять вамъ мою благодарность.

Извините меня, если я, продолжительнымъ письмомъ моимъ, отвлекъ васъ отъ занятій и похитилъ у васъ нѣсколько минутъ. И такъ, вторично прося у васъ извиненія за то, что я не засвидѣтельствовалъ прежде вамъ моей благодарности, остаюсь съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и готовностью къ услугамъ вашимъ,

ученикъ вашъ,

Виссаріонъ Бѣлинскій.

Изъ этого письма видно, что Бѣлинскій, по пріѣздѣ въ Москву, поступилъ въ университетъ. Университетскія дѣла его шли вообще плохо. У него была одна изъ тѣхъ натуръ, изъ которыхъ никогда не выходятъ хорошіе ученики. Какъ въ гимназіи онъ учился не столько въ классѣ, сколько изъ книгъ и журналовъ, то же повторилось и въ университетѣ. Энергическій, страстный юноша весь отдался изученію литературы, пренебрегая школьными занятіями. Чувствуя въ себѣ могучіе силы, Бѣлинскій брался то за одно, то за другое дѣло, отыскивая тотъ родъ занятій, который долженъ сдѣлаться его ареной, и долго не находилъ его. Еще въ гимназіи онъ пробовалъ писать стихи, повѣсти. Повѣсти выходили и плохи и безцвѣтны; написалъ граматику,— тоже вышло плохо. Въ 1832 году, бывши уже на второмъ университетскомъ курсѣ, онъ написалъ драму, въ которой живо затронулъ крѣпостной вопросъ. Драма вышла блѣдная, безцвѣтная, хотя горячая. Онъ скор узналъ это и совершенно упалъ духомъ, пересталъ посѣщать университетъ.... Чрезъ нѣсколько времени онъ совершенно оставилъ университетъ, съ слѣдующею пророческою аттестаціею: «способностей слабыхъ и нерадивъ.»

Но въ 1834 г. вдругъ этотъ «нерадивый юноша, съ слабыми способностями,» явился въ «Молвѣ,» съ блистательной статьей своей: «Литературныя мечтанія, элегія въ прозѣ.» Никто изъ молодыхъ писателей не начиналъ такъ смѣло, сильно и даровито, какъ Бѣлинскій... Онъ напалъ наконецъ на свою струю и съ тѣхъ поръ, мало по малу, завоевалъ себѣ владычество, надъ русской критикой. Съ первыхъ же своихъ словъ, Бѣлинскій высказалъ свою самостоятельность и, не пре-

клоняясь ни предъ какимъ авторитетомъ, началъ, одинъ за другимъ, сбивать кумиры съ ихъ ветхихъ пьедесталовъ. Крикъ, толки, негодованіе, все это вело къ тому, чтобъ еще больше давать возможности рости самостоятельности Бѣлинскаго, какъ критика.

Начавъ такъ счастливо свое литературное поприще, Бѣлинскій въ матеріальныхъ удобствахъ жизни былъ чрезвычайно мало обезпеченъ и страшно нуждался. Работа журнальная приносила ему очень мало и онъ просто бѣдствовалъ.

Одному изъ людей, знавшихъ и любившихъ Бѣлинскаго, случилось разъ, по пріѣздѣ изъ Твери въ Москву, въ первыхъ тридцатыхъ годахъ, посѣтить его и узнать, какъ онъ въ Москвѣ устроился. Изъ адреса, который онъ послалъ своему знакомому, видно было, что онъ жилъ гдѣ-то между Трубой и Петровкой, въ какомъ-то переулкѣ, въ *бель-этажѣ* (слово это въ адресѣ было подчеркнуто). И дѣйствительно, хорошъ оказался этотъ *бель-этажъ*. Внизу подъ нимъ помѣщалась кузница. Входъ къ нему шелъ по грязной, узкой лѣстницѣ; рядомъ съ его комнаткой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. «Каково же было, говорилъ объ этомъ посѣтитель, дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабою грудью. Каково было слышать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собою стукотню отъ молотовъ русскихъ цыклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, незапертой (хоть я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нечего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось

кровью.... Я спѣшилъ бѣжать отъ смраду испареній, обхватившихъ меня и пропитавшихъ въ нѣсколько минутъ мое платье; скорѣй, скорѣй на чистый воздухъ, чтобъ хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я почувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи свое имя...»

Вотъ при какой ужасной, отвратительной обстановкѣ Бѣлинскій началъ свою литературную дѣятельность. Нужно было имѣть запасъ желѣзной силы, воли и энергіи, чтобъ не измельчаться, не отупѣть, и въ Бѣлинскомъ нашлось и то, и другое, и третье.

Друзья Бѣлинскаго изыскивали всевозможныя средства чѣмъ нибудь помочь ему и наконецъ такой случай представился. Жилъ въ то время въ Москвѣ одинъ богатый аристократъ, страшный охотникъ писать и, главное, печатать. Онъ извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ Прутикова. Онъ давно пріискивалъ себѣ домашняго секретаря, преимущественно, изъ студентовъ. Обязанность домашняго секретаря состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ выглаживать и исправлять литературныя бредни избалованнаго барина. За исправленіе этой должности назначалось небольшое жалованье, столъ, квартира и прислуга. Бѣлинскому предложили это мѣсто и онъ согласился.

Но, не смотря на блестящую обстановку, которую онъ нашелъ въ домѣ аристократа, не смотря на хорошій столъ, отличныя вина, не смотря на огромную домашнюю библіотеку, которая предоставлялась въ полное распоряженіе Бѣлинскаго, онъ не могъ вынести такой жизни. Въ домѣ барина нужно было часто жертвовать своими убѣжденіями, дѣйствовать противъ прады и совѣсти, однимъ словомъ, уступать на каждомъ

шагу, что было не въ характерѣ Бѣлинскаго. И вотъ, въ одно прекрасное утро, простившись со всей роскошью и комфортабельностью аристократическаго дома, Бѣлинскій, завязавъ все свое достояніе въ носовой платокъ, исчезъ изъ барскихъ хоромъ, оставивъ Его Превосходительству записку съ извиненіемъ, что онъ не считаетъ себя способнымъ для должности домашняго секретаря. И для Бѣлинскаго снова началась бѣдность въ его старой комнаткѣ на Трубѣ, гдѣ онъ жилъ прежде. Въ этомъ поступкѣ былъ весь Бѣлинскій и такимъ онъ остался до смерти.

Теперь мы обратимъ наше вниманіе собственно на критическую дѣятельность Бѣлинскаго въ московскій періодъ. Но прежде, чѣмъ начнемъ говорить о томъ новомъ направленіи, которому сталъ слѣдовать новый московскій кружокъ Бѣлинскаго, намъ необходимо показать, въ какомъ состояніи находилась критика до этого періода и кто были ея органами.

Въ то время, когда звучная и широкая пѣсня Пушкина раздавалась одиноко и многія талантливыя личности сошли съ литературной арены, русская критика была въ самомъ жалкомъ состояніи. Братья-Сіамцы, Гр. и Булгаринъ, одни тогда владычествовали въ петербургской журналистикѣ, обративъ редакторскую обязанность въ исполненіе какой-то полицейской должности. Критика ждала человѣка сильнаго, талантливаго — и этотъ человѣкъ явился. То былъ публицистъ, терзаемый вопросами того времени, человѣкъ, проведшій всю молодость въ Сибири, въ торговыхъ занятіяхъ, скоро ему наскучившихъ, и который съ жадностью бросился читать и учиться. Лишенный всякаго образованія, онъ самоучкою выучился французскому и нѣмецкому язы-

камъ. Въ Москвѣ онъ вдругъ задумалъ издавать журналъ безъ сотрудниковъ, безъ свѣдѣній, безъ имени въ литературѣ. Скоро онъ удивилъ публику энциклопедическимъ разнообразіемъ своихъ статей. Онъ смѣло писалъ о законовѣдѣніи, о музыкѣ, о медицинѣ и санскритскомъ языкѣ. Русская исторія была изъ его спеціальностей, что не мѣшало ему писать повѣсти, романы и, наконецъ, критики, въ которыхъ онъ скоро достигъ огромнаго успѣха.

Напрасно бы стали искать въ сочиненіяхъ Полеваго большей учености, глубокой философіи; но онъ умѣлъ въ каждомъ вопросѣ возвысить гуманную сторону; дѣйствія его были въ высшей степени честныя, журналъ «Московскій Телеграфъ» имѣлъ большое вліяніе, и мы тѣмъ болѣе должны быть благодарны за оказанную имъ услугу, что онъ издавался въ самое несчастное время. Въ ту эпоху мало писали, но много думали. Полевой заговорилъ первый. Онъ съумѣлъ удержаться съ своимъ журналомъ, не измѣняя начатому дѣлу до 1834 года. Полевой началъ популизировать русскую литературу; онъ низвелъ ее съ ея аристократическихъ высотъ и сдѣлалъ болѣе доступною массѣ. Его величайшими врагами были литературные авторитеты, на которые онъ напалъ съ неумолимою насмѣшкою. До Полеваго критика иногда рисковала, со множествомъ оговорокъ и извиненій, дѣлать нѣкоторыя легкія замѣчанія на счетъ Державина, Карамзина или Дмитріева, въ то же время сознавая, что величіе ихъ было неоспоримо. Полевой съ перваго разу сталъ съ ними на ногу равенства и началъ смѣяться надъ тяжелыми и дипломатическими оборотами этихъ великихъ учителей. Старикъ Дмитріевъ, поэтъ и бывшій нѣкогда Министръ

Юстиціи, говоритъ съ грустію и ужасомъ о литературномъ безначаліи, вводимомъ Полевымъ, о его неуваженіи къ людямъ, которыхъ заслуги были признаны цѣлымъ обществомъ.

Полевой нападалъ не только на литературные авторитеты, но и на ученыхъ; онъ осмѣливался сомнѣваться въ ихъ познаніяхъ, онъ, мелочной сибирскій торговецъ, нигдѣ не учившійся. Ученые присоединились ex officio къ заслуженнымъ сѣдовласымъ литераторамъ и начали систематическую войну противъ бунтующей журналистики.

Полевой, хорошо знавшій вкусъ публики, уничтожалъ своихъ враговъ убійственными сарказмами. Онъ отвѣчалъ шуткою на ученыя замѣчанія, и дерзостью, заставлявшею хохотать до слезъ, на ученую диссертацію. Нельзя себѣ представить съ какимъ любопытствомъ публика слѣдовала за ходомъ этой полемики. Можно было подумать, что, нападая на авторитеты литературные, Полевой имѣлъ въ виду и другіе авторитеты.

Такимъ образомъ, съ «Телеграфа» обозрѣнія стали преобладать въ русской литературѣ. Журналъ поглотилъ всю умственную дѣятельность. Книгъ стали покупать мало; лучшія стихотворенія и повѣсти начали появляться въ журналахъ и нужно было что-нибудь особенное, чтобы привлечь общее вниманіе.

До 1834 г. Полевой нашелъ средство держаться съ своимъ Телеграфомъ. Въ 1834 г. Телеграфъ палъ. Полевой, лишенный своего журнала, потерялся. Его литературныя предпріятія шли неудачно; разогорченный и разочарованный, онъ уѣхалъ изъ Москвы на житье въ Петербургъ. Съ болѣзненнымъ уже чувствомъ встрѣ-

чены были всѣми первые номера его «Сына Отечества.»

Полевой сознавалъ свое паденіе, это заставило его страдать и онъ упалъ духомъ. Онъ даже пытался выдти изъ своего двусмысленнаго положенія, хотѣлъ оправдаться, но не успѣлъ въ этомъ совершенно. Его природа, болѣе благородная, нежели его поведеніе, не могла долго выносить эту борьбу. Онъ скоро умеръ, оставивъ свои дѣла въ совершенномъ разстройствѣ. Всѣ его уступки не принесли ему ничего.

Полевой имѣлъ двухъ пріемниковъ своего дѣла: Сенковскаго и Бѣлинскаго.

Сенковскій, обрусѣлый полякъ, оріенталистъ и академикъ, былъ писатель замѣчательнаго ума, чрезвычайно трудолюбивый, но безъ всякихъ убѣжденій, потому что нельзя назвать убѣжденіями глубокое презрѣніе къ людямъ, теоріямъ и вѣрованіямъ. Сенковскій былъ истиннымъ представителемъ направленія, принятаго общественнымъ духомъ съ 1825 года: онъ отличался лоскомъ блестящимъ, но ледянымъ,—улыбкою презрѣнія, часто скрывавшею угрызеніе совѣсти,—жаждою славы, подстрекаемою неизвѣстностью,—матеріализмомъ насмѣшливымъ и въ то же время грустнымъ.

Сенковскій говорилъ съ презрѣніемъ о либерализмѣ и наукѣ, но за то онъ не уважалъ и ничего другаго. Онъ воображалъ себя въ высшей степени практическимъ, потому что проповѣдывалъ матеріализмъ. Сенковскій, самъ того не зная, принесъ много пользы своему времени, и если онъ выметалъ, при входѣ въ новую эпоху, драгоцѣнныя вещи съ соромъ, за то онъ расчищалъ мѣсто для другаго времени, котораго онъ не понималъ, для другихъ интересовъ, которыхъ самъ

не имѣлъ. Онъ это чувствовалъ, и какъ только въ литературѣ проглянуло нѣчто новое и энергическое, онъ убралъ свои паруса и скоро вовсе сошелъ со сцены.

Сенковскій былъ окруженъ обществомъ молодыхъ писателей, которыхъ онъ губилъ, развращая ихъ вкусъ. Они ввели методъ, казавшійся съ перваго разу блестящимъ, а потомъ пустымъ. «То была поэзія Петербурга или, ближе, Васильевскаго Острова», поэзія, въ которой не было ничего живаго, истиннаго въ историческихъ образахъ, вызываемыхъ Кукольникомъ, Бенедиктовымъ, Тимофѣевымъ....

Въ Москвѣ «Телеграфъ» Полеваго былъ замѣненъ «Телескопомъ», котораго редакторомъ былъ Надеждинъ и гдѣ печатались первыя статьи Бѣлинскаго. Но Телескопъ тоже не долго прожилъ.

Мы съ намѣреніемъ говорили о состояніи, какъ русской критики, такъ и вообще журналистики до Бѣлинскаго. Этотъ краткій обзоръ былъ необходимъ для того, чтобы показать тотъ переворотъ, который онъ въ ней сдѣлалъ, и тѣ новые пути русской критики, которой смыслъ ярче и рельефнѣе сдѣлался впослѣдствіи въ критическихъ статьяхъ «Отечественныхъ Записокъ» 1841 — 1846 годовъ.

Какъ мы уже говорили, положеніе Бѣлинскаго въ Москвѣ было весьма незавидно. Литературныя занятія его въ Молвѣ и Телескопѣ, хоть скудно, но поддерживали его; по паденіи же Телескопа онъ лишился почти всѣхъ средствъ къ существованію. Тутъ то онъ встрѣтился съ Станкевичемъ и его друзьями и они спасли его. Станкевичъ былъ замѣчательная личность. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ богатымъ и симпатичнымъ натурамъ, которыхъ одно существованіе имѣетъ

огромное вліяніе на все ихъ окружающее. Онъ умеръ въ Италіи очень еще молодымъ; онъ ничего капитальнаго не сдѣлалъ, чтобы быть внесеннымъ въ исторію, и однакожь было бы неблагодарностью пройти его молчаніемъ, когда вопросъ касается умственнаго развитія въ Россіи въ то время.

Станкевичъ былъ центромъ образованной московской молодежи того времени. Онъ распространялъ въ ней любовь къ нѣмецкой философіи, внесенной въ Московскій университетъ превосходными его профессорами: Павловымъ и Рѣдькинымъ. Онъ же руководствовалъ занятіями кружка друзей своихъ (дѣйствовавшихъ въ Московскомъ Наблюдателѣ); онъ же встрѣтилъ Кольцова въ Воронежѣ, привезъ въ Москву и ввелъ въ свой литературный кружокъ.

Станкевичъ вѣрно оцѣнилъ пылкій и оригинальный умъ Бѣлинскаго. Скоро вся Россія отдала справедливую дань удивленія смѣлому таланту молодаго публициста, вступившаго на литературное поприще съ аттестаціею «неспособнаго».

Подъ вліяніемъ Станкевича и его друзей, Бѣлинскій съ жадностью бросился на изученіе гегелевской философіи. Его незнаніе нѣмецкаго языка, вмѣсто того чтобъ сдѣлаться препятствіемъ, только облегчило его занятія. Б — нинъ и Станкевичъ приняли на себя трудъ сообщить ему все, что знали касательно этого предмета, и исполнили это со всѣмъ увлеченіемъ молодости, со всею ясностію русскаго ума. Впрочемъ, Бѣлинскому достаточно было намековъ, чтобъ догнать своихъ друзей.. Разъ усвоивши себѣ систему Гегеля, онъ, впослѣдствіи, первый возсталъ изъ его москов-

скихъ поклонниковъ, если не на самаго Гегеля, то по крайней мѣрѣ на образъ его понимания.

«Для Бѣлинскаго, говоритъ М. М. Н—въ, Станкевичъ былъ полезнѣе университета. Сдѣлавшись литераторомъ, Бѣлинскій постоянно находился между небольшимъ кружкомъ людей, если не глубоко ученыхъ, то такихъ, въ кругу которыхъ обращались всѣ современныя, живыя и любопытныя свѣдѣнія. Эти люди, большею частію, молодые, кипѣли жаждою познаній, добра и чести. Почти всѣ они, зная иностранные языки, читали столько же иностранныя, сколько и русскія книги и журналы. Каждый изъ нихъ не былъ профессоръ, но всѣ вмѣстѣ, по части философіи, исторіи и литературы, постояли бы противъ цѣлой Сорбонны. Въ этой-то школѣ и развернулся талантъ Бѣлинскаго. Друзья и не замѣчали, что были его учителями, а онъ, вводя ихъ въ споры, горячась съ ними, заставлялъ ихъ выкладывать передъ нимъ всѣ свои познанія, глубоко вбиралъ въ себя слова ихъ, на лету схватывалъ замѣчательныя мысли, развивалъ ихъ далѣе и объемистѣй, чѣмъ тѣ, которые ихъ высказывали. Такимъ образомъ, не погружаясь въ бездну русскихъ старыхъ книгъ, не читая ничего на иностранныхъ языкахъ, онъ зналъ все замѣчательное въ русской и иностранной литературахъ. Въ этой то школѣ выросъ талантъ его и возмужало его русское слово.»

И такъ, мы теперь дошли до московскаго періода дѣятельности Бѣлинскаго. Какъ уже мы говорили выше, первая его статья «Литературныя мечтанія, элегія въ прозѣ,» была напечатана въ 1834 г. въ нѣсколькихъ номерахъ Молвы, которая выходила въ видѣ приложенія къ Телескопу. Статья эта надѣлала много шу-

му въ свое время и рѣшила участь Бѣлинскаго. По паденіи же Телескопа и Молвы, онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, по части критики и библіографіи «Московскаго Обозрѣнія,» когда редакція этого журнала перешла въ руки друзей Станкевича.

«Московскій Наблюдатель» извѣстенъ менѣе, нежели «Телескопъ» и «Телеграфъ,» а между тѣмъ, это былъ лучшій журналъ по своему строгому направленію и художественному составу. Въ 1838 — 1839 годахъ, всѣ сотрудники «Московскаго наблюдателя» были юног безъ всякаго литературнаго имени. Въ послѣдствіи, почти каждый изъ нихъ составилъ себѣ благородную и прочную извѣстность въ нашей литературѣ.

Оставляя на время учено-критическія воззрѣнія этого журнала, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ «Наблюдателя», т. е. его послѣднихъ томовъ, изданныхъ тѣмъ кружкомъ, о которомъ мы должны говорить далѣе.

Поэтическій отдѣлъ М. Наблюдателя былъ составленъ чрезвычайно осторожно и могъ поспорить съ лучшими альманахами того времени, которые только спасались именами Пушкина и Жуковскаго, которыхъ стихотворенія не печатались въ Наблюдателѣ. Но на его страницахъ нельзя найти ни одного стихотворенія слабаго, а напротивъ, не говоря уже о прекрасныхъ стихахъ Кольцова, можно указать на нѣсколько талантливыхъ поэтовъ, тамъ появлявшихся съ своими созданіями, какъ напримѣръ: Красовъ, стихотворенія котораго недавно изданы, Катковъ, (Гейне, и Ромео и Юлія — траг. Шекспира), К. Аксаковъ, Клучниковъ (--θ—) и другіе. Вообще, въ «Наблюдателѣ» не появлялось ни одного пустаго стихотворенія: всѣ они

были проникнуты истиннымъ чувствомъ, и не могли и сравниваться съ стихотвореніями, встрѣчающимися въ другихъ тогдашнихъ журналахъ.

По части беллетристики журналы тоже тогда были бѣдны. Прозой писали сколько нибудь порядочно очень не многіе и были всѣ на перечетъ. Но и по этому отдѣлу Московскій Наблюдатель былъ уже далеко не хуже другихъ журналовъ. Въ немъ печатались повѣсти Нестроева (Кудрявцева), которыя, по своему художественному достоинству, должны занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русской прозы. Но главное достоинство Московскаго Наблюдателя состояло въ томъ, что литературный отдѣлъ его являлся едва ли не первымъ примѣромъ постоянной гармоніи убѣжденій человѣка съ характеромъ его художественныхъ созданій, той гармоніи, которая осмысляетъ такъ въ наше время современную литературу. Такимъ образомъ, Московскій Наблюдатель былъ первымъ журналомъ, литературныя статьи котораго были проникнуты сознательными стремленіями. Глубокая потребность истины и добра съ одной стороны, съ другой — свѣжая и здоровая готовность любить все, что дѣйствительная жизнь представляетъ удовлетворительнаго; предпочтеніе дѣйствительной жизни, отвлеченному фантазированію съ одной стороны, съ другой — чрезвычайное сочувствіе тому, что въ стремленіяхъ фантазіи является здоровымъ отраженіемъ истиной потребности полнаго наслажденія дѣйствительною жизнію; вотъ эти-то основныя черты критической мысли Московскаго Наблюдателя и составляютъ существенный характеръ литературнаго отдѣла въ этомъ журналѣ. Стремленія, одушевляющія

его поэзію и беллетристику, видимо, проникнуты философскою мыслію, которая владычествуетъ надъ всѣмъ.

Дѣйствительно, философія, и именно, философія Гегеля занимала въ то время умы всего дружескаго кружка М. Наблюдателя. Эта любознательная и пытливая молодежь, съ жаромъ и молодыми силами бросилась за изученіе этой науки, день и ночь толковала о философіи и на все глядѣла сквозь призму ея ученія. Гегель былъ чрезвычайно новъ для нея и увлекателенъ; глубокія истины, имъ развиваемыя, могучая, изумительно сильная діалектика нѣмецкаго мыслителя — все это на первыхъ порахъ увлекло молодыхъ, способныхъ людей въ новый міръ всеобнимающей науки, въ ущербъ остальныхъ стремленій современнаго тогда общества, стремленій — болѣе близкихъ землѣ и человѣчеству.

Такимъ образомъ, возобновившійся подъ новой редакціей, Московскій Наблюдатель сдѣлался органомъ гегелевской философіи. То было время перваго знакомства съ Гегелемъ. Авторитетъ Гегеля былъ еще силенъ и самая сущность его ученія не совершенно обнята была его московскими поклонниками; Гегель былъ для нихъ непогрѣшительнымъ жрецомъ науки, стоявшимъ внѣ критики; каждое его слово и положеніе, въ буквальномъ смыслѣ, принималось за законъ; никому и въ голову не приходило провѣрить его истины, обличить его въ частной непослѣдовательности и противорѣчіи самому себѣ, сознать, что его принципы часто совершенно вели не къ тѣмъ результатамъ, которые онъ выводилъ изъ нихъ. Это былъ періодъ безусловнаго обожанія гегелевской философіи.

Смыслъ философіи Гегеля, какъ она изложена у не-

го самаго и какъ безусловно принималась дѣятелями Московскаго Наблюдателя въ 1838—1839 годахъ, совершенно иначе понимался и развивался въ критикѣ Отечественныхъ Записокъ 1840—1846 годовъ, писанной Бѣлинскимъ, подъ вліяніемъ того же Гегеля. Причину этого разнорѣчія можно только объяснить двойственностью самой системы Гегеля, разнорѣчіемъ его принциповъ и выводовъ.

Вотъ, что говоритъ объ этомъ разнорѣчіи одинъ изъ современныхъ намъ критиковъ: «Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны; не смотря на всю колоссальность его генія, у великаго мыслителя достало силы только на то, чтобъ высказать общія идеи, но не достало силы неуклонно держаться этихъ основаній и логически развить изъ нихъ всѣ необходимыя слѣдствія. Онъ провидѣлъ истину, но только въ самыхъ общихъ, отвлеченныхъ, вовсе неопредѣленныхъ очертаніяхъ; увидѣть ее лицемъ къ лицу досталось уже на долю слѣдующему поколѣнію. И не только выводовъ изъ своихъ принциповъ не могъ онъ сдѣлать, но и самые принципы представлялись ему еще не во всей своей ясности и полнотѣ. Развитіе послѣдовательныхъ воззрѣній изъ двусмысленныхъ и лишеннаго всякаго примѣненія намековъ Гегеля совершилось у насъ отчасти подъ вліяніемъ нѣмецкихъ мыслителей, явившихся послѣ Гегеля, отчасти, — мы съ гордостію можемъ сказать это — собственными силами.»

Бѣлинскій, бросившись горячо на изученіе Гегеля, въ пылу перваго увлеченія, не замѣтилъ внутренняго противорѣчія его системы. Для перваго раза это было дѣйствительно невозможно, до такой степени она была

прикрыта блистательной и сильной діалектикой Гегеля. Въ самой Германіи самые зрѣлые и сильные умы, и то послѣ долгаго изученія, замѣтили это внутреннее несогласіе, основныхъ началъ Гегеля, съ его выводами. Бѣлинскій, какъ и всѣ, подпалъ подъ его обояніе, но за то скорѣе всѣхъ и опомнился и скоро отбросилъ въ ученіи Гегеля все, что могло стѣснять его мысль.

Но въ то время, о которомъ мы начали говорить, безусловное поклоненіе Гегелю, дошло въ кружкѣ Станкевича до крайности. Въ охлажденіи и постепенно возраставшемъ недовольствѣ его системой имъ помогъ самъ же Гегель. Многіе изъ этого кружка начали говорить въ смыслѣ Гегеля же, но гораздо рѣшительнѣе и безпощаднѣе, нежели самъ Гегель, и тѣмъ обличили его несостоятельность. Рѣзкимъ, логически-вѣрнымъ развитіемъ истинъ Гегеля особенно отличался Бѣлинскій. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые до тѣхъ поръ не останутся въ покоѣ, пока не поймутъ и совершенно не усвоятъ себѣ извѣстное мышленіе. Бѣлинскій, анализируя и преслѣдуя каждое положеніе гегелевской философіи, дошелъ до того, что ушелъ дальше самаго Гегеля; его пламенная, живая натура не могла удовлетвориться неясными, часто, недосказанными, отвлеченными теоріями Гегеля. Онъ въ послѣдствіи самъ удивлялся и бѣсился за свое временное ослѣпленіе и безусловную вѣру въ непогрѣшительность гегелевской системы.

Два обстоятельства еще болѣе помогли обращенію Бѣлинскаго: знакомство съ Огаревымъ и его друзьями и переѣздъ въ Петербургъ.

Общество молодыхъ людей, составлявшихъ кружокъ

Огарева, воспиталось и развилось совершенно подъ иными условіями, нежели кружокъ Станкевича и его друзей. Такія отвлеченныя науки, какъ философія, не могли завладѣть его вниманіемъ. Кружокъ Огарева былъ слишкомъ близокъ землѣ, текущимъ интересамъ и вопросамъ того времени, чтобы прилѣпляться къ умозрительнымъ занятіямъ. Его вниманіе и вся дѣятельность были посвящены только тѣмъ наукамъ, которыя вытекали изъ жизненныхъ началъ и стремились поставить прочные законы для общественнаго благосостоянія. Въ то время вся Европа была занята теоріями новыхъ экономистовъ, построенными на самыхъ гуманнѣйшихъ основаніяхъ, которыя, какъ всякая новая теорія, казались большинству туманными, несбыточными утопіями. И хотя идеи, одушевлявшія новую науку, высказывались еще въ неясныхъ, полу-фантастическихъ формахъ, но самая сущность науки стоила того, чтобы заняться ею и посвятить свое время и труды. Г. Огаревъ и его партія съумѣли оцѣнить зародышъ этой новой науки, въ которой, подъ фантастическими увлеченіями, скрывались истины глубокія и благодѣтельныя, и съ рвеніемъ занялись этими вопросами, горячо сочувствуя ихъ жизненному началу. Кромѣ того, исторія, и особенно новѣйшая, была также предметомъ ихъ постояннаго и долгаго изученія. Въ литературѣ они не давали особеннаго перевѣса нѣмцамъ, а отдавали должную дань новымъ писателямъ французской школы, воспитаннымъ послѣдними историческими событіями Франціи. При такомъ-то взглядѣ на вещи и стремленіи, крѣпли и мужали въ этомъ кружкѣ твердыя и послѣдовательныя убѣжденія.

Такимъ образомъ, лучшіе дѣятели молодаго поколѣ-

нія въ Москвѣ невольно дѣлились на два лагеря, не совсѣмъ дружескіе. Въ одномъ господствовала философія Гегеля, въ другомъ — болѣе положительныя науки. Столкновеніе между ними должно было произойти неминуемо; у нихъ было одно общее знамя: наука и правда, и они готовы были пожертвовать всѣми своими односторонностями, второстепенными вопросами для общаго дружескаго дѣла. Каждый изъ нихъ былъ готовъ на самоотреченіе, во имя разумности и истины. Первыя столкновенія этихъ двухъ кружковъ были совсѣмъ не дружелюбны и скорѣй враждебны. Послѣ каждой такой сходки, послѣ долгихъ споровъ, они расходились, страшно недовольные другъ другомъ. Кружокъ Огарева былъ сильно возмущенъ тѣмъ, что Станкевичъ и его пріятели бросаютъ самые живые, животрепещущіе вопросы времени для безконечныхъ преній и схоластическихъ теорій философіи. Онъ приходилъ въ негодованіе, что столько хорошихъ, молодыхъ силъ безполезно тратится въ то время, когда ихъ помощь такъ нужна въ дѣлѣ науки, болѣе практической и необходимой обществу. Друзья Станкевича отвѣчали имъ на это, приводя ихъ еще болѣе въ бѣшенство, что въ философіи Гегеля скрыта всепремиряющая истина и что только въ ней одной общество можетъ искать опоры и развитія. Кружокъ Огарева обвинялъ послѣднихъ въ апатіи къ современному движенію, въ восхищеніи и восхваленіи всѣхъ недостатковъ дѣйствительности, на томъ основаніи, что система Гегеля оправдываетъ всевозможныя гадости на свѣтѣ своей странной формулой: «что дѣйствительно — то разумно.» Друзья Станкевича нападали на нихъ за то, что они, не зная основныхъ принциповъ философіи Гегеля, рѣ-

шаются осуждать ее. Такимъ образомъ, это несогласіе и споры очень на долго разъединили эти два кружка и не допускали между ними никакихъ личныхъ сношеній и близости.

Отсутствіе Станкевича въ это время изъ своего кружка много способствовало враждебному отношенію обѣихъ партій. Любящій и кроткійСтанкевичъ владѣлъ той всемирящей способностью, которая умѣла утишать всякіе раздоры и разрѣшать недоразумѣнія партій. За отсутствіемъ же Станкевича, роль посредника между ними выпала на долю только одного Огарева. Онъ одинъ, безъ помощниковъ, не въ силахъ былъ помирить противниковъ, которыхъ каждое свиданіе оканчивалось страшнымъ и жаркимъ споромъ. Бѣлинскій былъ главнымъ зачинщикомъ этихъ споровъ; онъ никогда не могъ говорить въ половину и своимъ трепещущимъ голосомъ громилъ своихъ противниковъ безпощадно. Въ одинъ изъ такихъ споровъ, когда Бѣлинскому доказывали, что не всѣ явленія дѣйствительности можно оправдать разумомъ и приводили ему на то примѣры, Бѣлинскій, съ логикой безпощадной, только ему свойственной, отвѣчалъ признаніемъ разумности всѣхъ тѣхъ явленій, на которыя ему было указано. Послѣ этого спора нельзя было уже до поры до времени и думать о примиреніи и оба кружка разошлись, но не на долго, какъ увидимъ далѣе.

Между тѣмъ, Бѣлинскій, какъ натура въ высшей степени дѣятельная, самъ не могъ остановиться на полъ-дорогѣ и переѣздъ въ Петербургъ совершенно преобразовалъ его. Здѣсь онъ уже являлся не какъ членъ извѣстнаго кружка съ его направленіемъ, какъ было то въ Москвѣ, но критикомъ, съ самобытнымъ

стремленіемъ, ставшимъ во главѣ новаго движенія, дѣятелемъ, совершенно независимымъ.

Въ бытность свою въ Москвѣ, Бѣлинскій былъ весь поглощенъ теоретическими умствованіями и мало обращалъ вниманія на то, что дѣлается въ дѣйствительности. Онъ свято вѣрилъ, что дѣйствительная жизнь выше всѣхъ мечтаній, но самъ того не замѣчалъ, что онъ идеализировалъ эту дѣйствительность, переносилъ въ нее свой идеалъ. Петербургъ его сразу отъучилъ отъ идеализированія дѣйствительности. Живя въ этомъ городѣ, скоро поймешь, что дѣйствительная жизнь совершенно чужда гегелевскихъ идеаловъ и что выводы Гегеля о ея разумности — статья очень подозрительная. Петербургъ благодѣтельно, трезво подѣйствовалъ на Бѣлинскаго; онъ попристальнѣе взглянулъ какъ на дѣйствительность, такъ и на гегелеву систему.

Вспомнимъ при этомъ слова самаго Бѣлинскаго о Петербургѣ въ статьѣ его «Москва и Петербургъ.»

»Москвичь очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить. Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ въ этомъ отношеніи пробный камень человѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу и сердце не на счетъ здраваго смысла, — сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству, — тому смѣло можете вы протянуть руку, какъ человѣку. Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣши-

тельнымъ незнаніемъ дѣйствительности, — и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ *дѣльнаго* (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастіе глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и при томъ плодотворная въ будущемъ.»

Мы съ намѣреніемъ приводимъ здѣсь эти слова Бѣлинскаго, это повтореніе его собственной исторіи.

И такъ, ближайшее знакомство съ дѣйствительностью привело Бѣлинскаго къ очищенію принциповъ Гегеля отъ ихъ односторонности, къ отверженію прежняго квіэтизма, съ сохраненіемъ высокаго убѣжденія, что разумъ и истина должны и будутъ владычествовать въ жизни, хотя мы и далеки еще отъ этого времени. Бѣлинскій убѣдился, что дѣйствительность имѣетъ въ себѣ много ложныхъ и нечистыхъ элементовъ, и съ тѣхъ поръ вся его дѣятельность упорно была направлена къ проведенію въ жизни владычества разума и истины. Такой переходъ отъ абстрактной идеальности къ ясному уразумѣнію и пониманію дѣйствительныхъ явленій жизни, для живой, постоянно стремящейся впередъ личности Бѣлинскаго былъ чрезвычайно легокъ и быстръ. Онъ съ радостью всегда готовъ былъ отречься отъ своихъ вѣрованій, лишь бы его убѣдили, что они ложны. Только одни мелкія натуры, какъ улитки, прирастаютъ къ своимъ убѣжденіямъ, какой бы они закалки не были. Бѣлинскій не страдалъ болѣзнью того мелкаго самолюбія, которое, изъ опасенія упрека въ несостоятель-

ности, упрямо стоитъ за свои вѣрованія и еще подъ часъ гордится ихъ древностію.

Бѣлинскій былъ вообще чуждъ вліяній, какимъ мы поддаемся въ лѣта юности, когда не умѣемъ отъ нихъ защитить себя. Прельщаемые новизной и увлекательностію, мы воспринимаемъ въ первой молодости множество идей только памятью, не провѣряя ихъ анализомъ разума. Эти-то воспоминанія, считаемыя нами за истины самыя положительныя, за наши прочныя убѣжденія, чрезвычайно вредятъ въ насъ развитію самобытности и независимаго взгляда. Но не таковъ былъ Бѣлинскій. Онъ началъ учиться съ философіи, и учиться, когда ему было 25 лѣтъ. Онъ приступилъ къ наукѣ съ вопросами серьозными и діалектикой, полной страсти. Для него истины и результаты не были ни отвлеченностями, ни игрою ума, а вопросами жизни и смерти. Свободный отъ всякаго иностраннаго вліянія, онъ вошелъ въ науку съ большею искренностію, онъ не старался ничего спасти отъ огня анализа и отрицанія, и потому онъ открыто возсталъ противъ полурѣшеній и робкихъ выводовъ гегелевской системы. — Все это, разумѣется, не новость послѣ книги Фейербаха и пропоганды, органомъ которой явился журналъ Арнольда Рюсе, но нужно не забывать, что время, о которомъ мы говоримъ, было до 1840 года. Въ тѣ времена гегелевская философія была подъ очарованіемъ ея діалектическихъ, блестящихъ формулъ; то было время, когда приходили въ восторгъ отъ того, что философскій языкъ достигъ такого совершенства, что посвященные видѣли аттеизмъ тамъ, гдѣ профаны находили вѣру. Этой-то обдуманной темноты и осмотрительности было достаточно, чтобъ вызвать оппозицію

такого искренняго и прямаго человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій. Бѣлинскій, чуждый схоластики, свободный отъ протестантскаго жеманства и прусской благопристойности, когда прошелъ въ немъ первый пылъ увлеченія Гегелемъ, вознегодовалъ на эту «стыдливую науку, прикрывавшую свои истины виноградным листкомъ.» Въ одинъ вечеръ (это было уже въ Петербургѣ), проспоривъ нѣсколько часовъ противъ рабскаго берлинскаго пантеизма, Бѣлинскій вскочилъ и проговорилъ дрожащимъ голосомъ: «Вы хотите заставить меня увѣровать, что цѣль человѣка есть приведеніе абсолютнаго разума къ познанію самого себя, — и вы довольствуетесь этою ролью? Что касается до меня, то я не столько безсиленъ, чтобъ служить невольнымъ органомъ. Если я думаю, если я страдаю, то это для самаго себя. Вашъ чистый разумъ, если онъ существуетъ, для меня чужестранецъ. Мнѣ нечего съ нимъ знаться, у меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго.»

Мы цитируемъ эти слова единственно съ цѣлью еще разъ указать на особый складъ русскаго ума: едва начали проповѣдывать о нелѣпости дуализма, какъ тотчасъ же первый талантливый человѣкъ, занявшійся нѣсколько философіею, замѣтилъ, что она была реальною только на словахъ.

Хотя публичная дѣятельность Бѣлинскаго началась собственно съ 1842 года, но мы не хотѣли миновать ея московскаго періода, имѣвшаго важное значеніе въ развитіи нашего критика. Московскій періодъ былъ для Бѣлинскаго приготовительной школой труда, споровъ, изъ которыхъ онъ вынесъ многое; — школой долгихъ, упорныхъ занятій. Этотъ періодъ воспиталъ Бѣлинскаго. Мы сказали, что публичная дѣятельность Бѣлин-

скаго началась съ 1842; статьи имъ писанныя въ 1840 — 1841 годахъ въ Отечественныхъ Запискахъ, по своему характеру и направленію, мы относимъ къ его московскому періоду, потому что Бѣлинскій въ то время еще не совершенно отрѣшился отъ вліянія своей московской партіи и системы Гегеля.

Но уже и въ журнальныхъ статьяхъ Бѣлинскаго въ Московскомъ Наблюдателѣ онъ сталъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Самое замѣчательное его произведеніе того періода, обратившее на себя всеобщее вниманіе, была статья «Гамлетъ, драма Шекспира и Мочаловъ въ роли Гамлета». Бѣлинскій показалъ въ этой статьѣ на сколько онъ владѣетъ эстетическимъ талантомъ и пониманіемъ самыхъ тонкихъ поэтическихъ прелестей, страстной діалектикой и глубокою, всеобнимающею мыслію. О Бѣлинскомъ заговорили въ Москвѣ и даже въ Петербургѣ. Литературное его имя уже было сдѣлано, но обстоятельства его тогда были вообще плохи. Дѣла издателя «Наблюдателя» Степанова шли худо, и онъ платилъ Бѣлинскому за его журнальные труды ничтожныя деньги, и притомъ, въ неопредѣленные сроки. Мелочныхъ долговъ у Бѣлинскаго мало по малу набралось довольно много и эти долги его сильно безспокоили. Послѣ переѣзда его на новую квартиру, въ домикъ вблизи Никитскаго бульвара, у него оставалось 30 руб. ассигнаціями. Онъ уже началъ утомляться и надежда на продолженіе Наблюдателя, за который онъ принялся съ такимъ жаромъ, исчезла.

Лучшей характеристикой того положенія, въ которомъ находился въ Москвѣ Бѣлинскій, служатъ его письма къ И. И. П — ву; мы ихъ приводимъ, думая что каж-

дому интереснѣе будетъ слушать самаго Бѣлинскаго о его тогдашнихъ дѣлахъ, нежели разсказъ посторонняго.

Мы выписываемъ здѣсь два его письма — къ И. И. П — ву. *)

I.

Москва, 1838 г. Августа 10.

Любезнѣйшій И. И. Долго ждалъ я вашего письма, но мое долгое ожиданіе было съ избыткомъ вознаграждено: ваше письмо показало мнѣ, что я пріобрѣлъ еще спутника на пути жизни къ одной цѣли. Я не умѣю понимать ни любви, ни дружбы иначе, какъ на взаимномъ пониманіи истины и стремленій къ ней. Увѣренъ, что когда съ вами увидимся, то возможность осуществится и стремленіе къ дружбѣ сдѣлается дружбою. Не нужно больше словъ — пусть все развивается само собою изъ времени и обстоятельствъ. Для зерна нужна земля, чтобъ сдѣлаться деревомъ; для дружбы, какъ и для всякаго чувства, возможность дружбы. Я сказалъ, что я разумѣю подъ возможностію: для насъ эта возможность уже слишкомъ ясна, остальное довершитъ время.

Вы пишете, что желали бы видѣть меня издателемъ журнала съ 3,000 подписчиковъ, а я бы охотно помирился на половинѣ. «Телеграфъ» никогда не имѣлъ больше, и между тѣмъ его вліяніе было велико; «Библіотека для чтенія» издается человѣкомъ умнымъ и способнымъ, и издается имъ для большинства, и потому очень понятенъ ея успѣхъ. Журналъ съ такимъ направленіемъ, которое я могу дать, всегда будетъ для

*) См. Современникъ 1860 года, № I.

аристократіи читающей публики, а не для толпы, и никогда не можетъ имѣть подобнаго успѣха. Но я не знаю, почему бы мнѣ не имѣть 1,500 или около 2,000 подписчиковъ. Но видите-ли, для этого нужно объявить программу передъ новымъ годомъ, а не въ мартѣ или маѣ и программу *новаго* журнала съ *новымъ* названіемъ, потому что воскресить репутацію стараго, и еще такого какъ «Наблюдатель», также трудно, какъ возстановить потерянную репутацію женщины. Сверхъ того, въ Москвѣ издавать журналъ, не то что въ Петербургѣ: въ нашей цензурѣ (Московской) царствуетъ совершенный произволъ: вымарываютъ большею частію *либеральныя* мысли, подобныя слѣдующимъ: $2 \times 2 = 4$, зимою холодно, а лѣтомъ жарко, въ недѣлѣ 7 дней и въ году 12 мѣсяцевъ. Но это бы еще ничего — пусть мараютъ, лишь бы не задерживали. VI № мой бы выйдти назадъ тому двѣ недѣли, но 5 листовъ пролежали больше недѣли въ кабинетѣ г. Сн... Я самъ могъ бы вычеркнуть все, что ему угодно, но онъ хочетъ казаться передъ издателями добросовѣстнымъ, а передъ начальствомъ исправнымъ, а мы должны терпѣть. Въ VI № я помѣстилъ переводную статью: «языческая и христіанская литература XVIII вѣка, Авзоній и Св. Паулинъ»: языческой и христіанской, и святаго цензоръ намъ не пропускаетъ. Каково вамъ покажется? Вы знаете, что владѣлецъ «Наблюдателя» Н. С. Степановъ; у него есть всѣ средства, сверхъ того, хорошая своя типографія. Если бы ему позволили объявить себя издателемъ, какъ Смирдину, начать журналъ съ новаго года и въ 12 книжкахъ, какъ Библіотека для Чтенія и Сынъ Отечества, то дѣло бы пошло на ладъ. Эти три обстоятельства: объявленіе имени издателя, ко-

торый по своимъ средствамъ можетъ имѣть право на кредитъ публики, новый планъ журнала и настоящее время для его начала — могли бы дать содержаніе для программы и изъ стараго журнала сдѣлать *новый*. Конечно, если бы къ этому еще позволили перемѣнить его названіе, это было бы еще лучше, но на это плохая надежда. Еще лучше, если-бы ко всему этому *мнѣ* позволили выставить свое имя, какъ редактора, потому что В. П. Андросовъ охотно бы отказался отъ журнала и всѣхъ правъ на него; но зачѣмъ говорить о невозможномъ. По крайней мѣрѣ, мы хотимъ попробовать насчетъ первыхъ трехъ перемѣнъ: имени Степанова, 12 книжекъ и начала съ новаго года. Надо сперва прибѣгнуть къ графу С. Пока объ этомъ не говорите рѣшительно никому. Я увѣренъ, когда придетъ время и если вы что можете тутъ сдѣлать, чрезъ свои связи и знакомства, то сдѣлаете все.

Ваши *вкусо-вводители* точно люди добросовѣстные и благонамѣренные: *они немножко и дерутъ, за то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ.* Шевыревъ — это Вагнеръ. Онъ на лекціи объявилъ, что *любитъ букву*... Хочу написать исторію русской литературы для нѣмцевъ — пошлю въ Германію къ Аксакову, онъ переведетъ и напечатаетъ. То-то раззадорю нашъ народъ. *Ужъ дамъ же я знать суфлеру Кенига!*

Я понялъ о какомъ великомъ драматическомъ геніѣ пишете вы ко мнѣ: этого генія я разгадалъ еще въ 1834 г. У меня очень вѣренъ инстинктъ въ литературныхъ явленіяхъ; издалека узнаю птицу по полету и рѣдко ошибусь...

Совершенно согласенъ съ вами насчетъ философскихъ терминовъ; что дѣлать! погорячились. Говорите

мнѣ правду смѣло, только этимъ вы можете доказать мнѣ свое дружеское расположеніе. Первая ваша правда мнѣ понравилась, но оговорки были напрасны. Кланяйтесь отъ меня Николаю Ивановичу Надеждину. Радъ, что вамъ понравился Аксаковъ. Это душа чистая, дѣвственная, и человѣкъ съ дарованіемъ; когда вы пріѣдите въ Москву, то увидите что въ ней и еще есть юноши. Какъ жаль, что Ба... живетъ въ деревнѣ! какъ мнѣ хотѣлось познакомить васъ съ нимъ. Но я познакомлю васъ съ В. Бо..., котораго музыкальныя статейки, вѣроятно, вамъ понравились. Онъ же перевелъ Донъ-Жуана Гофмана и передѣлалъ статью «Моцартъ!» Еще я познакомлю васъ съ Клюшниковымъ — очень интересный человѣкъ. Элегія въ IV № «Опять она, опять былое» — его.... Стихотвореніе Красова «Не гляди поэту въ очи« не относится ни къ Пушкину и ни къ кому, а его дума относится къ Жуковскому. Понравилась ли вамъ повѣсть въ 1 №? она принадлежитъ Кудрявцеву, автору Катиньки Пылаевой и Антонины. Это человѣкъ съ истиннымъ поэтическимъ дарованіемъ и чудеснѣйшей душою.

И съ нимъ я познакомлю васъ. Онъ далъ мнѣ еще прекрасную повѣсть «Флейта». Странно, что вы прочли еще только два № «Наблюдателя», когда ихъ уже вышло пять. Романъ С — ва разругаю, потому что это мерзость безнравственная, ядъ провинціальной молодежи‘ которая все читаетъ Если бы это было только плохое, литературное произведеніе, а не гнусное въ нравственномъ смыслѣ, то я уважалъ бы пословицу — de mortuis aut bene, aut nihil. Благодарю васъ за обѣщаніе *разнаго товара;* жду его съ нетерпѣніемъ, нельзя ли поскорѣе. Харьковскій профессоръ Кронебергъ изъя-

вилъ свое согласіе на участіе. Въ 6 № его статья «Письма»; статья очень невинная, но ужаснувшая нашего цензора. Читалили вы въ 5 № статью «О музыкѣ?» такихъ статей немного въ европейскихъ, не только русскихъ журналахъ. Серебрянскій — другъ Кольцова, который и доставилъ мнѣ статью. Представте себѣ, что этотъ даровитый юноша (Серебр.) умираетъ отъ изнурительной лихорадки. Очень радъ, что вамъ понравилась моя статья о Гамлетѣ. Въ 3 самая лучшая: я самъ ею доволенъ, хоть она и искажена: Б. вымарывалъ слово *святой* и *блаженство*, а на концѣ отрѣзалъ цѣлые полулиста. Напишите, какъ вамъ понравилась моя статья объ «Уголино». Жаль Полеваго, но вольно же ему на старости изъ ума выжить. Что тамъ за гадость такую онъ издаетъ? *) «Библ. для Чт.» во

---

*) Бѣлинскій любилъ Полеваго и высоко цѣнилъ его прежнюю московскую журнальную дѣятельность, которая уже не имѣла ничего общаго съ петербургскою.

— Этотъ человѣкъ самъ предвидѣлъ свое паденіе, разсказывалъ Бѣлинскій съ грустью. — Когда онъ уѣзжалъ изъ Москвы, я провожалъ его до заставы. У заставы мы обнялись и простились.... «желаю вамъ успѣховъ и счастія въ Петербургѣ,» сказалъ я. — Онъ какъ-то уныло улыбнулся. — «Благодарю васъ,» отвѣчалъ онъ, «нѣтъ-съ, ужъ какіе успѣхи! Но если я буду дѣйствовать не такъ, какъ слѣдуетъ, (онъ употребилъ болѣе ясное и рѣзкое выраженіе), такъ не вините меня, а пожалѣйте-съ.... Я человѣкъ обремененный семействомъ....

Въ Петербургѣ Бѣлинскій не видался съ нимъ. Полевой избѣгалъ его, потому что, послѣ совершенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, ему кажется неловко было взглянуть прямо въ глаза Бѣлинскому....

— Бѣлинскій — прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, сказалъ мнѣ однажды Полевой, когда я нарочно завелъ съ нимъ рѣчь о Бѣлинскомъ: — горячая голова, энтузіастъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ. Я здѣсь уже совсѣмъ не тотъ-съ. Я вотъ долженъ хвалить романы какого нибудь Штевена, а вѣдь эти романы — галиматья-съ.

— Да кто же васъ заставляетъ хвалить ихъ?

сто разъ лучше: для большинства это превосходный журналъ. Нѣтъ-ли слуховъ о Гоголѣ? Какъ я смѣялся, прочтя въ прибавленіяхъ, что Гоголь, *скрѣпя сердце* рисуетъ своихъ оригиналовъ. *Во время оно* я и самъ тоже вралъ.... Скажите мнѣ, что за человѣкъ Струговщиковъ? У него есть талантъ, онъ хорошо переводитъ Гете, покрайней мѣрѣ, получше во 100 разъ Губера, который просто искажаетъ Фауста и не мудрено: онъ понимаетъ Вагнера какъ классика, а Фауста какъ романтика. Я хочу растолковать ему, что онъ вретъ. Если вы знакомы съ Струговщиковымъ, то попросите у него чего нибудь для меня; я съ благодарностію, (разумѣется *невещественною*) помѣстилъ бы. Увѣдомьте меня, что за человѣкъ Бернетъ? У него есть талантъ, который можетъ погибнуть, если онъ не возьмется за умъ заблаговременно. Я желалъ бы съ нимъ познакомиться. Обѣщался мнѣ Ѳ. К. отдать для цензуры г. Корсакову двѣ статьи, но что-то о нихъ ни слуху, ни духу. Не знаете-ли вы чего нибудь объ этомъ? Прощайте. Жду отъ васъ скораго отвѣта и съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ самихъ въ Москву. Я и самъ собираюсь въ Питеръ и весною думаю непремѣнно побывать, если будутъ средства. Вашъ В. Бѣлинскій.

II.

Москва. 1839. Февр. 18.

Я такъ виноватъ передъ вами, любезнѣйшій И. И.,

— Нельзя-съ, помилуйте, вѣдь онъ частный приставъ.

— Чтожъ такое? Что вамъ за дѣло да этого.

— Какъ что за дѣло-съ! Разбери я его какъ слѣдуетъ. — Онъ, пожалуй, подкинетъ ко мнѣ въ сарай какую нибудь вещь, да и обвинитъ меня въ кражѣ. Меня и поведутъ по улицамъ на веревкѣ-съ, а вѣдь я отецъ семейства. (Воспоминаніе о Бѣлинскомъ. И. Панаева въ Совр. Книж. 1. 1860 г.).

что нельзя и оправдываться. Впрочемъ, въ моемъ столѣ и еще теперь лежитъ письмо къ вамъ, отъ Ноября прошедшаго года, но — увы! недоконченное. Право, не до писемъ было. Въ письмѣ къ вамъ, мнѣ хотѣлось бы означить опредѣлительно мое журнальное состояніе, но это было невозможнѣе, чѣмъ означить погоду. И теперь пишу къ вамъ коротко, но за то опредѣленно. Вотъ въ чемъ дѣло; *я не могу издавать «Наблюдателя.»* Далеко бы завело меня объясненіе причинъ, и потому, вмѣсто всѣхъ этихъ объясненій, снова повторяю вамъ, *я не могу издавать «Наблюдателя» и нахожу себя принужденнымъ нынѣ отказаться отъ него.*)* Но между тѣмъ мнѣ надо чѣмъ нибудь жить, чтобъ не умереть съ голоду; въ Москвѣ не чѣмъ мнѣ жить, въ ней, кромѣ любви, дружбы, добросовѣстности, нищеты, и подобныхъ тому не питательныхъ блюдъ, ничего не готовится. Мнѣ надо ѣхать въ Питеръ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Прибѣгаю къ вашему ко мнѣ расположенію, къ вашей ко мнѣ дружбѣ, — похлопочите объ устроеніи моей судьбы. Г. Краевскій заваленъ теперь дѣломъ — два журнала на рукахъ — думаю, что сотрудникъ, который въ состояніи ежемѣсячно поставлять около десяти листовъ оригинальнаго писанья, или маранья — будетъ ему не малою подмогою. Я бы желалъ взять на себя разборъ всѣхъ книгъ чисто литературныхъ и даже нѣкоторыхъ другихъ, въ такомъ случаѣ, въ каждую книжку О. З. я бы аккуратно поставлялъ отъ двухъ, до пяти листовъ. Критика своимъ чередомъ, — смѣсь тоже. Коротко и ясно: почемъ съ ли-

*) Причины эти объясняются строгостью тогдашней цензуры и, кромѣ того, размолвкой между Бѣлинскимъ и нѣкоторыми его московскими друзьями.

ста? Но главное вотъ въ чемъ: безъ 2000р. мнѣ нельзя даже и пѣшкомъ пройти заставу: около этой суммы на мнѣ самаго важнаго долгу, и сверхъ того, я хожу какъ нищій въ рубищѣ. Кромѣ Краевскаго поговорите и съ другими, сами отъ себя или черезъ кого нибудь; я продаю себя всѣмъ и каждому, отъ Сенковскаго до (тьфу ты гадость какая!) Б-на, — кто больше дастъ, не стѣсняя притомъ моего образа мыслей, выраженія, словомъ моей *литературной совѣсти*, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій, или голодная смерть — у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ... Что дѣлать — я такъ созданъ.

Не замедлите отвѣтомъ. Жду его съ нетерпѣніемъ.

Вашъ В. Б.

Кромѣ того въ О. З. готовъ взять на себя даже и черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будетъ платиться соразмѣрно трудамъ. Денегъ! денегъ! А работать я могу, если только дадутъ *мнѣ* работу. И такъ, скорѣй отвѣтъ. Главное, чтобы при вашемъ письмѣ получилъ (если кто пожелаетъ взять меня въ работники), *подробныя условія*.

Еще разъ — не замедлите отвѣтомъ, и — прощайте.

II.

Бѣлинскому, не смотря на его сильное желаніе перебраться въ Петербургъ, удалось это сдѣлать только черезъ годъ, въ концѣ 1839-го года. Такимъ образомъ, съ того времени, т. е. съ 1840 г., особенно 1841 до 1846 года, началась самая важная критическая дѣятельность Бѣлинскаго (петербургскаго періода) въ Отечественныхъ Запискахъ. Въ этотъ періодъ самостоятельность таланта Бѣлинскаго дошла до той степени мужества и силы, которою онъ поражалъ даже самыхъ горячихъ своихъ противниковъ. Сужденія Бѣлинскаго до сихъ поръ сохранили всю свою цѣну; замѣчательно, что самыя возраженія его противниковъ имѣли тогда только извѣстную правду и силу, когда заимствовались у самаго же Бѣлинскаго.

Мы никакимъ образомъ не беремъ на себя труда не по силамъ—дѣлать оцѣнку всей критической дѣятельности Бѣлинскаго, но предполагаемъ только сдѣлать краткую ея характеристику и сказать про главныя, задушевныя, литературныя воззрѣнія критика, обращая наше вниманіе на самыя позднѣйшія статьи Бѣлинска-

го, потому что до самой своей смерти, этотъ человѣкъ быстро шелъ впередъ, и развитіе его критики до 1840 г. замѣчательно тѣмъ, что, годъ отъ году, его воззрѣнія проникались живыми интересами жизни и стремились объяснить публикѣ значеніе литературы въ ея образованіи и жизненныхъ интересахъ.

Одинъ изъ нелѣпыхъ упрековъ, которые дѣлали Бѣлинскому его враги, былъ упрекъ въ томъ, что онъ часто повторялся, упрекъ въ неподвижности. Тому, кто основательно прочелъ всѣ сочиненія Бѣлинскаго, съ перваго раза это обвиненіе покажется неосновательнымъ. Всѣмъ извѣстно, что Бѣлинскій писалъ критическія статьи о русской литературѣ въ продолженіи четырнадцати лѣтъ; въ разныхъ журналахъ, какъ-то: въ Молвѣ, Телескопѣ, Московск. Обозрѣніи, Наблюдателѣ, Отечественныхъ Запискахъ и, наконецъ, Современникѣ. Кромѣ того, онъ писалъ и въ сборникахъ. При перемѣнѣ журналовъ, при перемѣнѣ читателей, въ каждомъ изъ этихъ журналовъ повтореніе извѣстныхъ мнѣній неизбѣжно. То было время дѣтства нашей критики, когда обо всемъ требовалось говорить подробно, начинать съ азбуки; прежде чѣмъ критиковать и разсуждать, нужно было пріучить и къ критикѣ и къ разсужденію. Дѣло не легкое и, не шутя, часто дѣйствительно приходилось повторять зады. Въ этомъ уже не Бѣлинскаго надо винить. Но, во всякомъ случаѣ, каждый, имѣющій возможность прослѣдить въ настоящее время всѣ критическія статьи Бѣлинскаго, замѣтитъ, что онъ никогда не повторялся въ томъ смыслѣ, какъ говорятъ его обвинители. Живая, постоянно развивающаяся, идущая впередъ личность нашего критика не могла остановиться неподвижно. Статьи его, писанныя

объ одномъ и томъ же предметѣ, въ разныя времена его дѣятельности, доказываютъ ясно, что его критическій анализъ становился все глубже и шире, и проникался все болѣе и болѣе жизненными началами.

Нашлись еще обвинители другаго рода (да и мало ли ихъ было у него!), которые дѣлали упрекъ Бѣлинскому въ томъ, что онъ часто отрекался отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, что впослѣдствіи нападалъ на то самое, что прежде защищалъ и отстаивалъ. Мы уже говорили о той правдивой литературной честности Бѣлинскаго, которая не допускала его, изъ пустаго самолюбія, продолжать проповѣдывать о томъ, чему онъ уже переставалъ вѣрить, и потому подобные упреки не стоятъ и возраженія. Мы знаемъ, по свидѣтельству людей близко и хорошо знавшихъ Бѣлинскаго, что ему не дешево доставались эти нравственные переломы, это отреченіе отъ прошедшаго, отъ той плесени и ила, которые до него, по преданію, мы носимъ на себѣ до своего нравственнаго очищенія. «Невѣріе — первый шагъ къ мышленію» сказалъ Дидеро, и этотъ тяжелый періодъ духовнаго перерожденія Бѣлинскій купилъ дорогою цѣною страданій, безсонныхъ ночей и усиленныхъ занятій. Г. Тургеневъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, представляетъ замѣчательный и важный фактъ о той внутренней упорной борьбѣ, которая совершилась въ Бѣлинскомъ, когда онъ долженъ былъ отказаться отъ прежняго убѣжденія и стараго взгляда. Г. Тургеневъ разсказываетъ одинъ случай изъ петербургской жизни Бѣлинскаго. Однажды, мучимый однимъ вопросомъ, Бѣлинскій заперся отъ всѣхъ на нѣсколько дней въ своей квартирѣ, почти ничего не ѣлъ, исхудалъ и до тѣхъ поръ оставался въ заточеніи, пока не

дошелъ до пониманія и уразумѣнія того вопроса, который его мучилъ..

Вообще, Петербургъ, съ помощію друзей Огарева, съ которыми онъ здѣсь совершенно сошелся, имѣлъ благотворное вліяніе на окончательное развитіе Бѣлинскаго. Двѣ-три статьи его, написанныя по пріѣздѣ въ Петербургъ и доведенныя имъ до послѣдней крайности воззрѣній его московскаго періода, привели самого Бѣлинскаго къ тому, что онъ испугался самъ тѣхъ началъ, до которыхъ довела его система Гегеля и московская жизнь. Двѣ его статьи: одна «О Менцелѣ», а другая по поводу выхода книжки Жуковскаго «Бородинская годовщина», были послѣднею данью нашего критика тому ложному направленію, которому онъ слѣдовалъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности. Бѣлинскій самъ началъ стыдиться этихъ статей, и краснѣть когда встрѣчалъ ихъ въ чьихъ нибудь рукахъ. Онъ самъ разсказывалъ случай о встрѣчѣ его съ однимъ господиномъ, который отказался съ нимъ отъ знакомства, узнавъ, что онъ былъ авторъ этихъ статей, — за что Бѣлинскій съ искреннею благодарностью пожалъ ему руку.

Первая и самая важная борьба, дѣятелемъ и бойцемъ которой явился Бѣлинскій, была борьба противъ славянофиловъ, въ которой онъ доказалъ и свою силу публициста и критика, хорошо и глубоко изучившаго исторію.

Говоря объ этой борьбѣ, въ которой Бѣлинскій ярче, чѣмъ гдѣ нибудь, выказалъ силы и способности критика-публициста, необходимо сказать нѣсколько словъ о той литературной сектѣ, къ которой принадлежали славянофилы.

Послѣ 1840 года два мнѣнія заняли вниманіе публики. Они скоро перешли изъ схоластическихъ преній въ литературу, а изъ нея — въ общество. Мы хотимъ сказать о московскомъ панславизмѣ и о европеизмѣ русскомъ.

Возвращеніе къ національнымъ идеямъ естественно вело къ вопросу, одно простое выраженіе котораго уже заключало реакцію противъ текущаго періода. Нужно было искать выхода изъ того плачевнаго положенія, въ которомъ мы находились, нужно было хлопотать о сближеніи съ простымъ народомъ, который былъ отдѣленъ отъ остальнаго общества китайскою стѣною преданій, законовъ и взаимныхъ отношеній. Нужно было подумать и поискать новаго порядка вещей, болѣе согласнаго съ характеромъ славянъ, и покинуть путь экзотическаго и насильственнаго образованія. Дѣйствительно, это были вопросы важные, съ интересомъ самымъ животрепещущимъ. Но едва эти вопросы были подняты и заданы, какъ нашлись люди, которые тотчасъ же, положительно разрѣшая ихъ, образовали систему исключительную, изъ которой сдѣлали не только ученіе, но законъ и догматы.

Величайшею ошибкою славянофиловъ было то, что они нашли отвѣтъ въ самомъ вопросѣ, и смѣшали возможность съ дѣйствительностію. Они предчувствовали, что были на пути къ великимъ истинамъ, которыя должны были измѣнить нашъ образъ воззрѣнія на современныя событія. Но вмѣсто того, чтобы идти впередъ и трудиться, они остановились на самомъ предчувствіи. Чрезъ это самое они, искажая факты, исказили свое собственное пониманіе. Ихъ ученіе уже было не свободно; они уже не видѣли затрудненій; все имъ ка-

залось рѣшеннымъ и обозначеннымъ. Они искали не истины, а только возраженій своимъ противникамъ: страсти примѣшались къ полемикѣ. Восторженные славянофилы съ ожесточеніемъ напали на весь петербургскій періодъ, на реформы Петра, однимъ словомъ, на все, что было у насъ европеизированнаго и просвѣщеннаго. Можно понять и оправдать это увлеченіе, какъ вообще актъ оппозиціи; но, къ несчастію, эта оппозиція зашла уже черезъ-чуръ далеко, и увидѣла себя поставленной на той сторонѣ, къ которой ей вовсе не лестно было принадлежать.

Рѣшивши à priori, что все, заимствованное у Европы, никуда не годилось, что все введенное Петромъ I-мъ было несвоевременно и вовсе не нужно, славянофилы обратились къ боготворенію узкихъ и мелкихъ формъ древнеславянскаго быта, и, отрекаясь отъ собственнаго разсудка и просвѣщенія, спѣшили съ набожностью укрыться подъ навѣсъ греческаго храма. Подобный взглядъ, въ людяхъ образованныхъ и ученыхъ, не могъ не возбудить сильнаго протеста, тѣмъ болѣе, что славянофилы имѣли совершенно ошибочный, странный взглядъ на организацію московскаго государства и придавали византійству такую важность, какой оно никогда не имѣло. Ратуя и крича противъ европеизма, они, сами того не замѣчая, становились во главѣ косности, неразвитія и раболѣпія. Съ полнымъ сочувствіемъ къ славянской народности, они все дальше и дальше уходили отъ народа, и, движимые византійскимъ началомъ, быстро шли къ пропасти застоя и смерти, въ которой погреблись обломки распавшагося древняго міра. Обвиняя въ крайности слѣпыхъ поклонниковъ всѣхъ учрежденій запада, они сами попали въ крайность еще

худшую, возводя въ политичсскій идеалъ для Россіи организацію восточной имперіи.

Такимъ образомъ, славянизмъ, мечтавшій о возстановленіи правилъ византійско-московскихъ, не шелъ впередъ, а только пятился назадъ. Европеисты, во главѣ которыхъ стоялъ Бѣлинскій, встрѣтили славянофиловъ громкимъ протестомъ; первые вовсе не хотѣли отречься отъ своего прошедшаго, но въ то же время не могли отказаться отъ того,что было пріобрѣтено столькими усиліями, страданіями, трудами послѣдняго вѣка, чтобы снова возвратиться къ порядку вещей узкому, къ народности исключительной. Хотя и славянофилы толковали, что они вовсе не желаютъ возвратиться къ прошедшему, уже невозможному, а думаютъ только взять у тѣхъ временъ хорошую ихъ сторону и отбросить дурную; но будучи поклонниками историческаго начала, они въ то же самое время забывали, что все свершившееся послѣ Петра I-го тоже принадлежитъ исторіи, съ ея несокрушимою логикой. Вотъ смыслъ такого воззрѣнія и родилъ ту сильную оппозицію и полемику противъ славянофиловъ. Интересъ спора и преній былъ такъ живъ и близокъ душѣ каждаго, что всѣ вопросы и посторонніе интересы, возбуждавшіе журнальные толки, сошли на второй планъ.

Сенковскій первый поднялъ вопросъ, онъ первый бросилъ въ лагерь славянофиловъ цѣлую тучу самыхъ ядовитыхъ сарказмовъ и насмѣшекъ; но, не бывши знатокомъ этого дѣла и на столько свѣдущимъ, онъ доволенъ былъ смѣхомъ, возбужденнымъ его остроумными выходками, и удалился съ арены съ самодовольнымъ чувствомъ, уступивъ свое мѣсто другому бойцу для бо-

лѣе серьозной полемики. Этотъ боецъ былъ Бѣлинскій. Независимый, правдивый публицистъ, не связанный ни вѣрованіями, ни преданіями, онъ не страшился общественнаго мнѣнія и дряхлыхъ авторитетовъ. Стоя на стражѣ критики, онъ всегда готовъ былъ выдать и опозорить все, что считалъ низкимъ и нечестнымъ. Какъ же могъ онъ оставить въ покоѣ ультра-патріотическихъ славянофиловъ, которые видѣли свѣтъ тамъ, гдѣ зіяла кромѣшная тьма и могила.

Между славянофилами были люди талантливые, начитанные и честные, но не было ни одного публициста. Органомъ ихъ былъ только одинъ журналъ, да и тотъ — Москвитянинъ.

Въ своей полемикѣ съ европеистами, славянофилы имѣли то, впрочемъ, неутѣшительное преимущество передъ первыми, что, прикрываясь византійскимъ началомъ, они могли смѣло и громко вести споръ, между тѣмъ какъ европейцы, уже по одному отрицанію началъ, проповѣдуемыхъ славянами, должны были прибѣгать ко всѣмъ тонкостямъ дипломатической діалектики, чтобы провести свою идею. Это бѣсило Бѣлинскаго и его друзей, которые невольно возбудили къ себѣ всеобщую симпатію въ этой борьбѣ, такъ ловко и умно веденной. Славянофилы же возбуждали неудовольствіе и ропотъ.

Бѣлинскій одно время такъ былъ ожесточенъ противъ славянофиловъ, какъ за ихъ направленіе, такъ и за тотъ методъ, съ которымъ они вели споры съ своимъ противникомъ, что не могъ безъ бѣшенства говорить объ этомъ предметѣ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. И. Г — ну, Бѣлинскій говоритъ: «Я получилъ отъ Грановскаго

письмо — онъ проситъ меня прочесть статью его, помѣщенную въ Москвитянинѣ, и сказать свое мнѣніе. Скажите, пожалуйста, Грановскому, что друзьямъ въ такихъ неприличныхъ мѣстахъ свиданія не назначаютъ.»

Теперь, чтобы полнѣе выразить критическое воззрѣніе Бѣлинскаго на славянофиловъ, исторію и, вообще, на литературу, мы рѣшились привести двѣ выписки, думая, что собственныя слова Бѣлинскаго будутъ для читателя пріятнѣе чужой характеристики. Приводимъ эти два отрывка еще и потому, что въ нихъ Бѣлинскій высказываетъ основныя начала своей критики. Статьи эти писаны въ 1846 — 48 годахъ.

«Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а допетровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ, считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во время дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы, если даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ называемое славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится, —это другое дѣло. Но прежде всего, славянофильство есть убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но, разсмотрѣвъ его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной ко-

теріи чисто отрицательная, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя. По этому, нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они не охотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то предчувствіяхъ побѣды востока надъ западомъ. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что они говорятъ противъ гніющаго будто бы запада, но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хоть на половину, какъ, напримѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по французски, по нѣмецки и по англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по русски, и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени. Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но зато они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это, своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга. Заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ, о чемъ бы онѣ ни были, — о на-

шей ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ,— равно безплодно и вредно, потому что сонъ есть не жизнь, а только грезы о жизни; и нельзя не сказать спасибо тому, кто прерветъ такой сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда изученіе русской исторіи не имѣло такого серьознаго характера, какой приняло оно въ послѣднее время. Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее, чтобы оно объяснило намъ наше настоящее и намекнуло о нашемъ будущемъ. Мы какъ будто испугались за нашу жизнь, за наше значеніе, за наше прошедшее и будущее, и скорѣе хотимъ рѣшить великій вопросъ: *Быть или не быть?* Тутъ уже дѣло идетъ не о томъ, откуда пришли варяги, съ запада или съ юга, изъ-за Балтійскаго, или изъ-за Чернаго моря, а о томъ, проходитъ ли черезъ нашу исторію какая нибудь живая, органическая мысль, и если проходитъ, то какая именно; какія наши отношенія къ нашему прошедшему, отъ котораго мы какъ будто оторваны, и къ Западу, съ которымъ мы какъ будто связаны. И результатомъ этихъ хлопотливыхъ и тревожныхъ изслѣдованій начинаетъ оказываться, что, во первыхъ, мы не такъ рѣзко оторваны отъ нашего прошедшаго, какъ думали, и не такъ тѣсно связаны съ Западомъ, какъ воображали. Съ другой стороны, обращаясь къ своему настоящему положенію, смотря на него глазами сомнѣнія и изслѣдованія, мы не можемъ не видѣть, какъ, во многихъ отношеніяхъ, смѣшно и жалко успокоилъ насъ нашъ русскій европеизмъ насчетъ нашихъ русскихъ недостатковъ, забѣливъ и зарумянивъ, но вовсе не изгладивъ ихъ. И въ этомъ отношеніи поѣздки за границу чрезвычайно полезны намъ: многіе изъ русскихъ отправляются туда рѣшительными европейца-

ми, а возвращаются оттуда, сами не зная кѣмъ, и потому самому съ искреннимъ желаніемъ сдѣлаться русскими. Что же все это означаетъ? Неужели славянофилы правы и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала насъ недоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ надо воротиться къ общественному устройству и нравамъ времени не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михаиловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?...

«Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а именно то, что Россія вполнѣ исчерпала, изжила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все, что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя. Но миновать, перескочить, перепрыгнуть, такъ сказать, эпоху реформы, и воротиться къ предшествовавшимъ ей временамъ — неужели это значитъ развиваться самобытно? Смѣшно было бы такъ думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, какъ и перемѣнить порядокъ годовыхъ временъ, заставивъ за весною слѣдовать зиму, а за осенью — лѣто. Это значило бы еще признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи (можетъ быть, до самого 1812 года — эпохи, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ исчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно только господамъ Маниловымъ. Подобныя событія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобъ быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка,

которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Вмѣсто того, чтобъ думать о невозможномъ, и смѣшить всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше признать неотразимую и неизмѣнимую дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями. Не объ измѣненіи того, что совершилось безъ нашего вѣдома и что смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться*, а начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшность принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ, потому только что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*, и, на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго.

«Повторяемъ: славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе ихъ роль чисто-отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта, и, находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другаго

рода уходъ. По ихъ мнѣнію это не легко, но возможно! Они забыли, что новая Петровская Россія такъ же молода, какъ и Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ явленія, которыя, по окончаніи процесса, должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что впослѣдствіи должно явиться результатомъ процесса. Въ этомъ отношеніи, Россію нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которыхъ исторія шла діаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвѣтъ и плодъ. Безъ всякаго сомнѣнія, русскому легче усвоить себѣ взглядъ француза, англичанина или нѣмца, нежели мыслить самостоятельно, по русски, потому что то готовый взглядъ, съ которымъ равно легко знакомитъ его и наука, и современная дѣйствительность, тогда какъ онъ, въ отношеніи къ самому себѣ, еще загадка, потому что еще загадка для него значеніе и судьба его отечества, гдѣ все зародыши, зачатки и ничего опредѣленнаго, развившагося, сформировавшагося. Разумѣется, въ этомъ есть нѣчто грустное, но за то какъ много и утѣшительнаго въ этомъ же самомъ. Дубъ растетъ медленно, зато живетъ вѣка. Человѣку сродно желатъ скораго свершенія своихъ желаній; но скороспѣлость не надежна: намъ болѣе, чѣмъ кому другому, должно убѣдиться въ этой истинѣ. Извѣстно, что французы, англичане, нѣмцы такъ національны каждый по своему, что не въ состояніи понимать другъ друга, — тогда какъ русскому доступны и соціальность француза, и практическая дѣятельность англичанина, и туманная философія нѣмца. Одни видятъ въ этомъ

наше превосходство передъ всѣми другими народами, другіе выводятъ изъ этого весьма печальныя заключенія о безхарактерности, которую воспитала въ насъ реформа Петра: «потому что, говорятъ они, у кого нѣтъ своей жизни, тому легко поддѣлываться подъ чужую, у кого нѣтъ своихъ интересовъ, тому легко принимать чужіе;» но поддѣлаться подъ чужую жизнь не значитъ жить, понять чужіе интересы не значитъ усвоить ихъ себѣ. Въ послѣднемъ мнѣніи много правды, но не совсѣмъ лишено истины и первое мнѣніе, какъ ни заносчиво оно. Прежде всего мы скажемъ, что рѣшительно не вѣримъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности, слѣдовательно, живущихъ чисто-внѣшнею жизнію. Въ Европѣ есть одно такое искусственное государство, склеенное изъ многихъ національностей; но кому же не извѣстно, что его крѣпость и сила — до поры до времени?.... Намъ, русскимъ, нечего сомнѣваться въ нашемъ политическомъ и государственномъ значеніи: изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только мы сложились въ крѣпкое и могучее государство, и какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до настоящей минуты, выдержали съ честью не одно суровое испытаніе судьбы, не разъ были на краю гибели и всегда успѣвали спасаться отъ нея и потомъ являться въ новой и большей силѣ и крѣпости. Въ народѣ, чуждомъ внутренняго развитія, не можетъ быть этой крѣпости, этой силы. Да, въ насъ есть національная жизнь, мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль: но каково это слово, какова эта мысль, — объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки или правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій

напряженнаго разгадыванія, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана ими.

«Что же касается до многосторонности, съ какою русскій человѣкъ понимаетъ чуждыя ему національности,—въ этомъ заключаются равно и его слабая и его сильная стороны. Слабая потому, что этой многосторонности, дѣйствительно, много помогаетъ его настоящая независимость отъ односторонности собственныхъ національныхъ интересовъ. Но можно сказать съ достовѣрностью, что эта независимость только *помогаетъ* этой многосторонности; а едва ли можно сказать съ какою нибудь достовѣрностью, чтобы она *производила* ее. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что было бы слишкомъ смѣло приписывать положенію то, что всего болѣе должно приписывать природной даровитости. Не любя гаданій и мечтаній и пуще всего, боясь произвольныхъ, личныхъ выводовъ, мы не утверждаемъ за непреложное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе, и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усвоивать себѣ все чуждое ему; но смѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемая безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія....»

«.....На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или не важнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно теоретическія натуры, которыя до тѣхъ поръ и умны, пока носятся въ общихъ отвлеченностяхъ, а какъ скоро спустятся въ сферу приложеній общаго къ частному, словомъ, въ міръ дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными

на счетъ нормальнаго состоянія ихъ мозга. И такъ, все на свѣтѣ только относительно важно или не важно, велико или мало, старо или ново. «Какъ — скажутъ намъ — и истина, и добродѣтель — понятія относительныя?» Нѣтъ, какъ *понятіе*, какъ *мысль*, онѣ безусловны и вѣчны; но какъ *осуществленіе*, какъ *фактъ*, онѣ относительны. Идея истины и добра признавалась всѣми народами, во всѣ вѣка; но, что непреложная истина, что̀ добро для одного народа или вѣка, то часто бываетъ ложью и зломъ для другаго народа, въ другой вѣкъ. Поэтому безусловный и абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но за то и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ или отвлеченнымъ. Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи; но ничего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, а не сдѣлался тѣмъ, чемъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть.

«Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы находимъ признаки зрѣлости современной русской литературы въ явленіяхъ, по видимому, самыхъ обыкновенныхъ. Присмотритесь, прислушайтесь: о чемъ больше всего толкуютъ наши журналы? — о народности, о дѣйствительности. На что больше всего нападаютъ они? — на романтизмъ, мечтательность, отвлеченность. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ много было толковъ и прежде, да не тотъ они имѣли смыслъ, не то значеніе. Понятіе о дѣйствительности совершенно новое; на романтизмъ прежде смотрѣли, какъ на альфу и омегу человѣческой мудрости, и въ немъ одномъ искали рѣшенія всѣхъ вопросовъ; понятіе о народности имѣло

прежде исключительно литературное значеніе, безъ всякаго приложенія къ жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно въ сферѣ литературы, но разница въ томъ, что литература-то теперь сдѣлалась эхомъ жизни. Какъ судятъ теперь объ этихъ предметахъ — вопросъ другой. По обыкновенію, одни лучше, другіе хуже, но почти всѣ одинаково въ томъ отношеніи, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ видятъ какъ будто собственное спасеніе. Въ особенности, вопросъ о народности сдѣлался всеобщимъ вопросомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародіи, и не любятъ, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдькѣ и квасѣ, даже о сивухѣ; другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопочутъ выдумать свое, и не ясно, намеками указываютъ намъ на *смиреніе*, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить; но вторымъ можно замѣтить, что смиреніе есть, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны: для француза какъ и для русскаго, для англичанина какъ и для турка; но что оно едва ли можетъ составить то, что называется «народностью». Притомъ же этотъ взглядъ, можетъ быть, превосходный въ теоретическомъ отношеніи, не совсѣмъ уживается съ историческими фактами. Удѣльный періодъ нашъ отличается скорѣе гордынею и драчливостью, нежели смиреніемъ. Татарамъ поддались мы совсѣмъ не отъ смиренія (что было бы для насъ не честью, а безчестьемъ, какъ и для всякаго другаго народа), а по безсилію, вслѣдствіе

раздѣленія нашихъ силъ родовымъ, кровнымъ началомъ, положеннымъ въ основаніи правительственной системы того времени. Іоаннъ Калита былъ хитеръ, а не смиренъ; Симеонъ даже прозванъ былъ «гордымъ»; а эти князья были первоначальниками силы Московскаго царства. Димитрій Донской мечемъ, а не смиреніемъ предсказалъ татарамъ конецъ ихъ владычества надъ Русью. Іоанны III и IV, оба прозванныя «грозными», не отличались смиреніемъ. Только слабый Θеодоръ составляетъ исключеніе изъ правила. И вообще, какъ то странно видѣть въ смиреніи причину, по которой ничтожное Московское княжество сдѣлалось сперва Московскимъ царствомъ, а потомъ Россійскою Имперіею, пріосѣнивъ крыльями двуглаваго орла, какъ свое достояніе, Сибирь, Малороссію, Бѣлоруссію, Новороссію, Крымъ, Бессарабію, Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Финляндію, Кавказъ. Конечно, въ русской исторіи можно найдти поразительныя черты смиренія, какъ и другихъ добродѣтелей, со стороны правительственныхъ и частныхъ лицъ; но въ исторіи какого же народа нельзя найдти ихъ, и чѣмъ какой нибудь Людовикъ IX уступаетъ въ смиреніи Θеодору Іоанновичу?.... Толкуютъ еще о *любви*, какъ о національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ галльскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Эта мысль у нѣкоторыхъ обратилась въ истинную мономанію, такъ что кто-то изъ этихъ «нѣкоторыхъ» рѣшился даже печатно сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью, отдѣлались мы не только отъ татаръ, но и отъ нашествія Наполеона. Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще

и такъ же не можетъ быть исключительною принадлежностью одного народа или племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово. Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Завоевательная система, положившая основаніе европейскимъ государствамъ, тотчасъ же породила тамъ чисто юридическій бытъ, въ которомъ само насиліе и угнетеніе приняло видъ не произвола, а закона. У славянъ же, напротивъ, господствовалъ обычай, вышедшій изъ «кроткихъ и любовныхъ» патріархальныхъ отношеній. Но долго ли продолжался этотъ патріархальный бытъ, и что мы знаемъ о немъ достовѣрнаго? еще до удѣльнаго періода встрѣчаемъ мы въ русской исторіи черты вовсе не любовныя — хитраго воителя Олега, суроваго воителя Святослава, потомъ Святополка (убійцу Бориса и Глѣба), дѣтей Владиміра, возставшихъ на своего отца, и т. п. Это, скажутъ, занесли къ намъ варяги и — прибавимъ мы отъ себя — положили этимъ начало искаженію любовнаго патріархальнаго быта. Изъ чего же въ такомъ случаѣ хлопотать? Удѣльный періодъ такъ же мало періодъ любви, какъ и смиренія; это скорѣе періодъ рѣзни, обратившейся въ обычай. О татарскомъ періодѣ нечего и говорить: тогда лицемѣрное и предательское смиреніе было нужнѣе и любви, и настоящаго смиренія. Пытки, казни періода Московскаго царства и послѣдующихъ временъ, до половины XVIII столѣтія, опять посылаютъ насъ искать любви въ до-историческія времена Славянъ. Гдѣ жь тутъ любовь, какъ національное начало? Національнымъ началомъ она никогда и не была, но была человѣческимъ началомъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его неисто-

рическимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальные нравы, а съ ними исчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни. Ужъ не возвратиться ли намъ къ этимъ временамъ? Почему жь бы и не такъ, если это такъ же легко, какъ старику сдѣлаться юношей, а юношѣ младенцемъ?....

«Что составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность? — Конечно, то, что мы называемъ его духовностью, то есть: чувство, разумъ и воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А что считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящимъ?—Конечно, его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы съиздѣтства привыкли презирать, можетъ быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней чисто нравственныхъ они лечатъ иногда средствами чисто матеріальными, и на оборотъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произростила, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли. — Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство? — Прекрасно! такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ, и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души. — Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ? — Прекрасно — такъ останавливайтесь

же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ этою массою мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственныя отправленія, откуда по всему организму распространяются, чрезъ позвоночный хребетъ, нити нервъ, которыя суть органы ощущенія и чувствъ. Иначе, вы будете въ человѣкѣ удивляться слѣдствію мимо причины, или — что еще хуже — сочините свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, не опирающаяся на физіологію, такъ же несостоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ: химическимъ анализомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбріономъ (зародышемъ) прослѣдить таинственный процессъ развитія организма. Но это внутренній міръ физіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружу въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ, что такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь это все — тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому что вѣдь все это—не чувство, не умъ, не воля?—такъ! но вѣдь во всемъ этомъ мы *видимъ* и *слышимъ* и чувство, и умъ, и волю. Умъ безъ плоти, безъ физіономіи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ — это человѣкъ въ тѣлѣ, или лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, *личность*. Посмотрите: сколько нравственныхъ оттѣнковъ въ человѣческой натурѣ: у одного умъ едва замѣтенъ изъ-за сердца, у другаго сердце какъ будто помѣстилось въ мозгу; этотъ страшно уменъ и способенъ на дѣло, да ничего сдѣ-

лать не можетъ, потому что нѣтъ у него воли; а у того страшная воля, да слабая голова, и изъ его дѣятельности выходитъ или вздоръ, или зло. Перечесть эти оттѣнки такъ же невозможно, какъ перечесть различія физіономій: сколько людей, столько и лицъ, и двухъ совершенно схожихъ людей найти еще менѣе возможно, нежели найти два древесные листка, совершенно схожіе между собою. Когда вы влюблены въ женщину, не говорите, что вы обольщены прекрасными качествами ея ума и сердца: иначе, когда вамъ укажутъ на другую, которой нравственныя качества выше, вы обязаны перевлюбиться и оставить первый предметъ своей любви для новаго, какъ оставляютъ хорошую книгу для лучшей. Нельзя отрицать вліянія нравственныхъ качествъ на чувство любви, но когда любятъ человѣка, любятъ всего, не какъ идею, а какъ живую личность; любятъ въ немъ особенно то, чего не умѣютъ, ни опредѣлить, ни назвать. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы опредѣлили и назвали вы, напримѣръ, то неуловимое выраженіе, ту таинственную игру его физіономіи, его голоса, словомъ, все то, что составляетъ его особность, что дѣлаетъ его непохожимъ на другихъ, и за что именно вы больше всего и любите его? Иначе, зачѣмъ бы вамъ было рыдать въ отчаяніи надъ трупомъ любимаго вами существа? — Вѣдь съ нимъ не умерло то, что было въ немъ лучшаго, благороднѣйшаго, что называли вы въ немъ духовнымъ и нравственнымъ, — а умерло только грубо матеріальное, случайное? Но объ этомъ-то случайномъ и рыдаете вы горько, потому что воспоминанія о прекрасныхъ качествахъ человѣка не замѣнятъ вамъ человѣка, какъ умирающаго отъ голода не насытитъ воспомина-

ніе о роскошномъ столѣ, которымъ онъ недавно наслаждался. Я охотно соглашусь съ спиритуалистами, что мое сравненіе грубо, но за то оно вѣрно, а это для меня главное. Державинъ сказалъ:

Такъ! весь я не умру; но часть моя большая,
Отъ тѣла убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

Противъ дѣйствительности такого безсмертія нечего сказать, хотя оно и неутѣшитъ людей, близкихъ поэту; но что передаетъ поэтъ потомству въ своихъ созданіяхъ, если не свою личность? Не будь онъ личность больше, чѣмъ что нибудь, личность по преимуществу, его созданія были бы безцвѣтны и блѣдны. Отъ этого творенія каждаго великаго поэта представляютъ собой совершенно особенный, оригинальный міръ, и между Гомеромъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гете и Жоржъ-Сандомъ общаго только то, что всѣ они — великіе поэты....

«Но что же это за личность, которая даетъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и генію, и безъ которой все или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность?» Я много могъ бы наговорить вамъ объ этомъ, читатели; но предпочитаю лучше откровенно сознаться вамъ, что чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь: всѣ ее видятъ, всѣ ощущаютъ себя въ ея нѣдрахъ, и никто не скажетъ вамъ, что она такое. Такъ точно, ученые, хорошо зная дѣйствіе и силы дѣятелей природы, каковы электричество, гальванизмъ, магнитизмъ, и потому нисколько не сомнѣваясь въ ихъ существованіи, всетаки не умѣютъ сказать, что они такое. Страннѣе

всего, что все, что мы можемъ сказать о личности, ограничивается тѣмъ, что она ничтожна передъ чувствомъ, волею, добродѣтелью, красотою и тому подобными вѣчными и непреходящими идеями: но что безъ нея, преходящаго и случайнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, также, какъ не было бы ни чувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни порока, ни безобразія....

«Что *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ идеѣ *человѣчества*. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ націанальностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу, я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что, если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики.... Но, къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому.

«Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ — человѣкъ; но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ, во первыхъ, на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она его можетъ вмѣстить въ себя, а, во вторыхъ, на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей и, потому самому, есть ограниченіе человѣческой сущности: ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его геніальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и

одной какой нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей (т. е. сдѣлать ихъ существованіе ненужнымъ), но даже и ни одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ниже его въ нравственномъ или умственномъ отношеніи; но всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ; но, чтобы и общество, въ свою очередь, было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь—*національность*. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ, не народъ, а племя. Въ томъ и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины; но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу не извнѣ, а изъ него самого, и всегда проявляется въ немъ національно.

«Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ есть не болѣе, какъ реторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается чрезъ заимствованіе у другаго, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе, нѣтъ прогресса. Въ наше время народныя вражды и антипатіи погасли совершенно

французъ уже не питаетъ ненависти къ англичанину только за то, что онъ англичанинъ, и на оборотъ. Напротивъ, со дня на день болѣе и болѣе обнаруживается въ наше время сочувствіе и любовь народа къ народу. Это утѣшительное, гуманное явленіе есть результатъ просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и дѣлало всѣ народы похожими одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Напротивъ, наше время есть, по преимуществу, время сильнаго развитія національностей. Французъ хочетъ быть французомъ, и требуетъ отъ нѣмца, чтобы тотъ былъ нѣмцомъ, и только на этомъ основаніи и интересуется имъ. Въ такихъ точно отношеніяхъ находятся теперь другъ къ другу всѣ европейскіе народы. А между тѣмъ, они нещадно заимствуютъ другъ у друга, нисколько не боясь повредить своей національности. Исторія говоритъ, что подобныя опасенія могутъ быть дѣйствительны только для народовъ нравственно-безсильныхъ и ничтожныхъ. Древняя Эллада была наслѣдницею всего предшествовавшаго ей древняго міра. Въ ея составъ вошли элементы египетскіе и финикійскіе, кромѣ основнаго пелазгическаго. Римляне приняли въ себя, такъ сказать, весь древній міръ, и все-таки остались римлянами, и если пали, то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а отъ того, что были послѣдними представителями исчерпавшими всю жизнь своего древняго міра, долженствовавшаго обновиться чрезъ христіанство и тевтонскихъ варваровъ. Французская литература рабски подражала греческой и латинской, наивно грабила ихъ заимствованіями, — и все-таки осталась національно-французскою. Все отрицательное движеніе французской литературы XVIII

вѣка вышло изъ Англіи, но французы до того умѣли его усвоить себѣ, наложивъ на него печать своей національности, что никто и не думаетъ оспаривать у ихъ литературы чести самобытнаго развитія. Нѣмецкая философія пошла отъ француза Декарта, нисколько не сдѣлавшись отъ этого французскою.»

«Натуральная школа стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы, нисколько не преувеличивая дѣла; по какимъ нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т. е. большинство читателей за нее: это фактъ, а не предположеніе. Теперь вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ журналахъ: а какіе журналы пользуются большею извѣстностію, имѣютъ болѣе обширный кругъ читателей и большее вліяніе на мнѣніе публики, какъ не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы? Какіе романы и повѣсти читаются публикою съ особеннымъ интересомъ, какъ не тѣ, которые принадлежатъ къ натуральной школѣ, или, лучше сказать, читаются ли публикою романы и повѣсти, не принадлежащіе къ натуральной школѣ? Съ другой стороны, о комъ безпрестанно говорятъ, спорятъ, на кого безпрестанно нападаютъ съ ожесточеніемъ, какъ не на натуральную школу?

«Все это нисколько не ново въ нашей литературѣ, но было не разъ и всегда будетъ. Карамзинъ первый произвелъ раздѣленіе въ едва возникавшей тогда русской литературѣ. До него всѣ были согласны во всѣхъ литературныхъ вопросахъ, и если бывали разногласія и споры, они выходили не изъ мнѣній и убѣжденій, а изъ мелкихъ и безпокойныхъ самолюбій Сумарокова и Тредьяковскаго. Но это согласіе доказывало только

безжизненность тогдашней такъ называемой литературы. Карамзинъ первый оживилъ ее, потому что перевелъ ее изъ книги въ жизнь, изъ школы въ общество. Тогда, естественно явились и партіи, началась война на перьяхъ, раздались вопли, что Карамзинъ и его школа губятъ русскій языкъ и вредятъ добрымъ русскимъ нравамъ. Въ лицѣ его противниковъ, казалось, вновь возстала русская упорная старина, которая съ такимъ судорожнымъ, и тѣмъ болѣе безплоднымъ напряженіемъ отстаивала себя отъ реформы Петра Великаго. Но большинство было на сторонѣ права, т. е. таланта и современныхъ нравственныхъ потребностей; вопли противниковъ заглушались хвалебными гимнами поклонниковъ Карамзина. Все группировалось около него, и отъ него все получало свое значеніе, свою значительность, все — даже противники. Онъ былъ героемъ, Ахилломъ того времени. Но что вся эта тревога въ сравненіи съ бурею, которая поднялась съ появленіемъ Пушкина на литературномъ поприщѣ? Она такъ памятна всѣмъ, что нѣтъ нужды и распространяться о ней. Скажемъ только, что противники Пушкина видѣли въ его сочиненіяхъ искаженіе русскаго языка, русской поэзіи, несомнѣнный вредъ не только для эстетическаго вкуса публики, но и — повѣрятъ ли теперь этому? — для общественной нравственности!.... Что же за причина, что противники всякаго движенія впередъ во всѣ эпохи нашей литературы говорили одно и тоже, и почти одними и тѣми же словами?

«Причина этого скрывается тамъ же, гдѣ надобно искать и происхожденіе натуральной школы — въ исторіи нашей литературы. Въ лицѣ Кантемира, русская поэзія обнаружила стремленіе къ дѣйствительности, къ

жизни, какъ она есть, основала свою силу на вѣрности натурѣ. Въ Державинѣ (его оды «Къ Фелицѣ», Вельможѣ», «На счастіе» едва ли не лучшія его произведенія, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнія, въ нихъ больше оригинальнаго, русскаго, нежели въ его торжественныхъ одахъ), въ басняхъ Хемницера и въ комедіяхъ фонъ-Визина отозвалось направленіе, представителемъ котораго, по времени, былъ Кантемиръ. Сатира у нихъ уже рѣже переходитъ въ преувеличеніе и каррикатуру, становится болѣе натуральною, по мѣрѣ того, какъ становится болѣе поэтическою. Въ басняхъ Крылова сатира дѣлается вполнѣ художественною; наутрализмъ становится отличительною характеристическою чертою его поэзіи. За то онъ первый и подвергся упрекамъ за изображеніе «низкой природы». Наконецъ, явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Несмотря на преимущественно идеальный и лирическій характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной. Цыганскій таборъ, съ оборванными шатрами между колесами телегъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтьми въ перекидныхъ корзинкахъ на ослахъ, былъ тоже неслыханною дотолѣ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ «Евгеніи Онѣгинѣ» идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности мысли, тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспройзведеніе дѣйствительности, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, со всѣми ея житейскими дрязгами; около двухъ трехъ лицъ, опоэтизированныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обы-

кновенные, но не посмѣшище, какъ уроды, какъ исключеніе изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами! Что же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ?

«Онъ всѣми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностью, къ натуральности. Между этими попытками были очень замѣчательныя; но, тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ отзывались переходною эпохою, стремились къ новому, не оставляя старой колеи. Весь успѣхъ заключался въ томъ, что, несмотря на вопли старовѣровъ, въ романѣ стали появляться лица всѣхъ сословіи, и авторы старались поддѣлываться подъ языкъ каждаго. Это называлось тогда *народностью*. Но эта народность слишкомъ отзывалась тогда маскарадностью: русскія лица низшихъ сословій походили на переряженныхъ баръ, а бары только именами отличались отъ иностранцевъ. Нуженъ былъ геніальный талантъ, чтобы навсегда освободить русскую поэзію, изображающую русскіе нравы, русскій бытъ, изъ-подъ чуждыхъ ея вліяній. Пушкинъ много сдѣлалъ для этого; но докончить, довершить дѣло предоставлено было другому таланту. Съ появленіемъ «Миргорода», «Арабесокъ» (въ 1835 году) и «Ревизора» (въ 1836 г.) начинается полная извѣстность Гоголя и его сильное вліяніе на русскую литературу. Вліяніе теорій и школъ было одною изъ главныхъ причинъ, почему многіе сначала спокойно, безъ всякой враждебности, искренно и добросовѣстно видѣли въ Гоголѣ не болѣе, какъ писателя забавнаго, но тривіальнаго и незначительнаго, и вышли изъ себя уже вслѣдствіе восторженныхъ похвалъ, расточавшихся ему другою стороною, и важ-

наго значенія, которое онъ быстро пріобрѣталъ въ общественномъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни ново было, въ свое время, направленіе Карамзина, оно оправдывалось образцами французской литературы. Какъ ни странно поразили всѣхъ баллады Жуковскаго, съ ихъ мрачнымъ колоритомъ, съ ихъ кладбищами и мертвецами, но за нихъ были имена корифеевъ нѣмецкой литературы. Самъ Пушкинъ, съ одной стороны, былъ подготовленъ предшествовавшими ему поэтами, и первые опыты его носили на себѣ легкіе слѣды ихъ вліянія; а съ другой стороны, его нововведенія оправдывались общимъ движеніемъ во всѣхъ литературахъ Европы и вліяніемъ Байрона — авторитета огромнаго. Но Гоголю не было образца, не было предшественниковъ ни въ русской, ни въ иностранныхъ литературахъ. Всѣ теоріи, всѣ преданія литературныя были противъ него, потому что онъ былъ противъ нихъ. Чтобы понять его, надо было вовсе ихъ выкинуть изъ головы, забыть о ихъ существованіи; а это для многихъ значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть. Чтобы яснѣе сдѣлать нашу мысль, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ Гоголь находится къ другимъ русскимъ поэтамъ. Конечно, и въ тѣхъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя представляютъ чуждыя русскому міру картины, безъ всякаго сомнѣнія, есть элементы русскіе; но кто укажетъ ихъ? Какъ доказать, что, напримѣръ, поэмы: «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Скупой Рыцарь», «Галубъ», могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? То же можно сказать о Лермонтовѣ. Всѣ сочиненія Гоголя посвящены исключительно изображенію міра русской жизни, и у него

нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ воспроизводить ее во всей ея истинности. Онъ ничего не смягчаетъ, не украшаетъ вслѣдствіе любви къ идеаламъ, или какихъ нибудь заранѣе принятыхъ идей, или привычныхъ пристрастій, какъ, напримѣръ, Пушкинъ въ «Онѣгинѣ» идеализировалъ помѣщичій бытъ. Конечно, преобладающій характеръ его сочиненій — отрицаніе; всякое отрицаніе, чтобъ быть живымъ и поэтическимъ, должно дѣлаться во имя идеала, и этотъ идеалъ у Гоголя такъ же не свой, т. е. туземный, какъ и у всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературѣ этотъ идеалъ. Но нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что по поводу сочиненій Гоголя уже никакъ не возможно предположить вопроса: какъ доказать, что они могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? Изображать русскую дѣйствительность, и съ такою поразительною вѣрностію и истиною, разумѣется, можетъ только русскій поэтъ. И вотъ пока въ этомъ-то болѣе всего и состоитъ народность нашей литературы.

«Литература наша началась подражательностію. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась къ самобытности, народности; изъ реторической стремилась сдѣлаться естественною, *натуральною*. Это стремленіе, ознаменнованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляютъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы не обинуясь скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только чрезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеа-

ловъ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя; но это-то люди стараго образованія и вмѣняютъ ему въ великое преступленіе передъ законами искусства. Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства, какъ воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ *типахъ*, а *идеалъ* тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя становитъ другъ къ другу авторъ созданные имъ типы, сообразно съ мыслію, которую онъ хочетъ развить своимъ произведеніемъ.

«Вліяніе Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только всѣ молодые таланты бросились на указанный имъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже пріобрѣтшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивъ свой прежній. Отсюда появленіе школы, которую противники ея думали унизить названіемъ натуральной. Послѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголь ничего не написалъ. На сценѣ литературы теперь только его школа. Всѣ упреки и обвиненія, которые прежде устремлялись на него, теперь обращены на натуральную школу, и если еще дѣлаются выходки противъ него, то по поводу этой школы. Въ чемъ же обвиняютъ ее?

Обвиненій немного, и они всегда одни и тѣ же. Сперва нападали на нее за ея будто бы постоянные нападки на чиновниковъ. Въ ея изображеніяхъ быта этого сословія, одни искренно, другіе умышленно видѣли злонамѣренныя каррикатуры. Съ нѣкотораго времени эти обвиненія замолкли. Теперь обвиняютъ писателей натуральной школы за то, что они любятъ изображать людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, извощиковъ, дворниковъ, описываютъ *углы*, убѣжища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей, обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избиравшихъ для своихъ сочиненій предметы высокіе и благородные. Мы же напомнимъ имъ, что первая замѣчательная русская повѣсть была написана Карамзинымъ, и ея героиня была обольщенная петиметромъ крестьянка — *бѣдная Лиза*.... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной *барышнѣ*. Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая піитика. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ менѣе крестьяне. Старая піитика позволяетъ изображать все, что вамъ угодно, но только предписываетъ при этомъ изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что вы хотѣли изобразить. Слѣдуя строго ея урокамъ, поэтъ можетъ

пойти дальше прославленнаго Дмитріевымъ маляра Ефрема, который Архипа писалъ Сидоромъ, а Луку Кузьмою: онъ можетъ снять съ Архипа такой портретъ, который не будетъ походить не только на Сидора, но и ни на что на свѣтѣ, даже на комокъ земли. Натуральная школа слѣдуетъ совершенно противному правилу: возможно близкое сходство изображаемыхъ ею лицъ съ ихъ образцами въ дѣйствительности не составляетъ въ ней всего, но есть первое ея требованіе, безъ выполненія котораго уже не можетъ быть въ сочиненіи ничего хорошаго. Требованіе тяжелое, выполнимое только для таланта! Какъ же, послѣ этого, не любить и не читать старой піитики тѣмъ писателямъ, которые когда-то умѣли и безъ таланта съ успѣхомъ подвизаться на поприщѣ поэзіи? Какъ не считать имъ натуральной школы самымъ ужаснымъ врагомъ своимъ, когда она ввела такую манеру писать, которая имъ недоступна? Это, конечно, относится только къ людямъ, у которыхъ въ этотъ вопросъ вмѣшалось самолюбіе; но найдется много и такихъ, которые по искреннему убѣжденію не любятъ естественности въ искусствѣ, вслѣдствіе вліянія на нихъ старой піитики. Эти люди съ особенною горечью жалуются еще на то, что теперь искусство забыло свое прежнее назначеніе. «Бывало— говорятъ они — поэзія поучала; забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно; притомъ же, къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не

6

то благодѣтельный молодой человѣкъ, и, во имя милаго или милой сердца, водворяли довольство и счастіе тамъ, гдѣ были бѣдность и нужда, и благородныя слезы орошали благодѣтельную руку — и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ, и чувствовалъ, что онъ становится добрѣе и чувствительнѣе.... А теперь! посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и армякахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба — родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; *углы* — убѣжище нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какой нибудь пьянчушка подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы, — все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что, если прочтешь, — жди ночью тяжелыхъ сновъ...» Такъ, или почти такъ, говорятъ маститые питомцы старой піитики. Въ сущности ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, зачѣмъ отказалась она быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать, и засыпать... Странные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями,—и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ! Да читайте свои старыя сказки — никто вамъ не мѣшаетъ; а другимъ оставьте занятія, свойственныя совершеннолѣтію. Вамъ ложь—намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего... Но этому полюбовному раздѣлу мѣшаетъ другая причина — эгоизмъ, который считаетъ себя добродѣтелью. Въ са-

момъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка обезпеченнаго, можетъ быть, богатаго; онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся спокойно въ вольтеровскихъ креслахъ съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему; чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ, — и вотъ, беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея листы, и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ.... И есть отъ чего! книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ такъ хорошо живутъ, какъ онъ, что есть *углы*, гдѣ подъ лохмотьями отъ холоду дрожитъ цѣлое семейство, можетъ быть, недавно еще знавшее довольство, — что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету, что послѣдняя копѣка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія... И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта... А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку... Прочь ее! «Книга должна пріятно развлекать; я и безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и если читаю, такъ для того, чтобы забыть это!» восклицаетъ онъ. — Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забывать свое горе, голодный свой голодъ, стоны страданія должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ... Представьте теперь въ такомъ же положеніи другаго любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а денегъ не было; управляющій его, Никита Ѳедорычъ, что-то замѣшкался высылкою.

Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ. Опять та же исторія! Проклятая книга разсказываетъ ему подвиги его Никиты Ѳедорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно служить чужимъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему-то поручено править имѣніемъ.... Скорѣе прочь ее, скверную книгу!.... Представьте теперь себѣ еще въ такомъ комфортномъ состояніи человѣка, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посылкахъ, и лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ чинахъ, имѣетъ «малую толику». Всѣ читаютъ — надо и ему читать; но что находитъ онъ въ книгѣ? — свою біографію, да еще какъ вѣрно разсказанную, хотя, кромѣ его самого, темныя похожденія его жизни — тайна для всѣхъ, и ни одному *сочинителю* неоткуда было узнать ихъ.... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшенъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: «Вотъ какъ пишутъ нынѣ! вотъ до чего дошло вольнодумство! такъ ли писали прежде? Стиль ровный, гладкій, все о предметахъ нѣжныхъ или возвышенныхъ, читать сладко и обидѣться нечѣмъ!»

«Есть особый родъ читателей, который не любитъ встрѣчаться даже въ книгахъ съ людьми низшихъ классовъ, обыкновенно незнающими приличія и хорошаго тона, не любитъ грязи и нищенства, по ихъ противоположности съ роскошными будуарами и кабинетами. Эти отзываются о натуральной школѣ не иначе, какъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, ироническою улыб-

кою.... Кто они такіе, эти феодальные бароны, гнушающіеся «подлою черню»? Не спѣшите справляться о нихъ въ герольдическихъ книгахъ или при дворахъ европейскихъ: вы не найдете ихъ гербовъ, они если видали большой свѣтъ, то не иначе какъ съ улицы, сквозь ярко освѣщенныя окна, на сколько позволяли сторы и занавѣски...

«Что за охота наводнять литературу мужиками?» восклицаютъ они. Въ ихъ глазахъ писатель — ремесленникъ, которому какъ что закажутъ, такъ онъ и дѣлаетъ. Имъ въ голову не входитъ, что, въ отношеніи къ выбору предметовъ сочиненія, писатель не можетъ руководствоваться ни чуждою ему волею, ни даже собственнымъ произволомъ, ибо искусство имѣетъ свои законы, безъ уваженія которыхъ нельзя писать. Оно прежде всего требуетъ, чтобы писатель былъ вѣренъ собственной натурѣ, своему таланту, своей фантазіи. А чѣмъ объяснить, что одинъ любитъ изображать предметы веселые, другой — мрачные, если не натурою, характеромъ и талантомъ поэта? Кто что любитъ, чѣмъ интересуется, то и знаетъ лучше, а что лучше знаетъ, то лучше и изображаетъ. Вотъ самое законное оправданіе поэта, котораго упрекаютъ за выборъ предметовъ; оно не удовлетворительно только для людей, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ и грубо смѣшиваютъ его съ ремесломъ. Природа — вѣчный образецъ искусства, а величайшій и благороднѣйшій предметъ въ природѣ — человѣкъ.... Божественное слово любви и братства не втунѣ огласило міръ. То, что прежде было обязанностію только призванныхъ лицъ и добродѣтелью немногихъ избранныхъ натуръ, — то самое дѣлается теперь обязанностію обществъ, служитъ

признакомъ уже не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ, въ нашъ вѣкъ, вездѣ заняты всѣ участью низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатыя вѣрными средствами общества для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія — безнравственности и разврата. Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косой патріархальности. Они говорятъ, что тутъ дѣйствуетъ мода, увлеченіе, тщеславіе, а не человѣколюбіе. Пусть такъ, да когда же и гдѣ же въ лучшихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ не участвовали подобныя мелкія побужденія? Но какъ не сказать, что только такія побужденія могутъ быть причиною такихъ явленій? Какъ думать, что главные виновники такихъ явленій, увлекающіе своимъ примѣромъ толпу, не одушевлены болѣе высокими и благородными побужденіями? Разумѣется, нечего удивляться добродѣтели людей, которые бросаются въ благотворительность не по чувству любви къ ближнему, а изъ моды, изъ подражательности, изъ тщеславія; но это добродѣтель въ отношеніи къ обществу, которое исполнено такого духа, что и дѣятельность суетныхъ людей умѣетъ направлять къ добру! Это ли не отрадное въ высшей степени явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности?

«Могло ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе — въ литературѣ, которая все-

гда бываетъ выраженіемъ общества? Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе учредила его, нежели только не отстала отъ него. Нечего говорить, достойна ли и благородна ли такая роль; но за нее-то и нападаютъ на литературу иные. Мы думаемъ, что довольно показали изъ какихъ источниковъ выходятъ эти нападки и чего они стоютъ.... («Совр.» 1848 года, т. VII «Русская литер.», стр. 10 — 26).

Въ этихъ двухъ выпискахъ изъ Бѣлинскаго, являются ясными всѣ основные принципы его критики, по которымъ мы можемъ судить на сколько они еще близки нашему настоящему, и на сколько современная критика ушла далѣе Бѣлинскаго.

Въ излагаемомъ теперь опытѣ біографіи В. Г. Бѣлинскаго, не лежала въ основаніи дерзкая идея составить полную оцѣнку критической дѣятельности нашего критика, такой трудъ намъ не подъ силу. Пусть, этотъ опытъ будетъ вызывомъ для другихъ трудовъ, посвященныхъ благородной памяти нашего общаго учителя, сквозь школу котораго прошло все дѣйствующее нынѣ поколѣніе. Послѣ того долгаго молчанія, которое окружало его забытую могилу, должно же наконецъ наступить время, когда не одни только Ксенофонты Полевые будутъ каркать воронами на великую тѣнь геніальнаго человѣка. Благородное предпріятіе Солдатенкова и Щепкина: собрать всѣ сочиненія Бѣлинскаго, даютъ теперь средства сдѣлать полную оцѣнку его критической дѣятельности.

Мы теперь скажемъ нѣсколько словъ о жизни Бѣлинскаго, съ пріѣзда его въ Петербургъ.

Въ концѣ октября 1839 г., вызванный редакціей Отечественныхъ Записокъ, Бѣлинскій распрощался съ Москвой и переселился въ Петербургъ. Не смотря на свое разстроенное здоровье, одышку и грудную боль, петербургская жизнь ему понравилась. Москва, съ ея провинціальною сонливостью, старыми церквами, старыми профессорами и юными славянофилами, не могла нравиться молодому, живому, дѣятельному человѣку. Все талантливое молодое поколѣніе, жило въ Петербургѣ: въ Петербургѣ была и литература, и литераторы, и журналы. Понятно, что Бѣлинскаго тянуло въ Петербургъ, и онъ оставилъ Москву безъ всякаго сожалѣнія.

Спустя годъ по пріѣздѣ его въ Петербургъ, совершилось между имъ и кружкомъ Огарева совершенное примиреніе, и, съ этого времени, Бѣлинскій сталъ непремѣннымъ члепомъ этого кружка.

Между тѣмъ, пріѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ возбудилъ множество толковъ и шуму въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ. Бѣлинскаго знали уже многіе и, предчувствуя найти вь немъ опаснаго врага, не любили его и боялись. Литературные знаменитости старались показать видъ, что не замѣчаютъ его, и говорили о немъ съ презрѣніемъ, какъ о недорослѣ и недоучившемся студентѣ.

Бѣлинскій бывалъ только въ одномъ замкнутомъ кружкѣ литераторовъ, на которыхъ онъ имѣлъ сильное вліяніе: этотъ кружокъ любилъ и вѣровалъ въ Бѣлинскаго, а подъ часъ и боялся его, потому что Бѣлинскій, съ свойственной ему непреклонностью, гово-

рилъ своимъ друзьямъ жестокую правду въ глаза и неумолимо преслѣдовалъ тѣ слабости, которыя находилъ въ нихъ.

Скверный климатъ и начало той болѣзни, которая уже была въ зародышѣ, дѣлали его часто раздражительнымъ, и иногда отъ самой бездѣлицы онъ приходилъ въ бѣшенство.

Бѣлинскій, вообще, былъ молчаливъ, въ особенности же въ обществѣ не близкихъ ему людей. Говорить, (въ смыслѣ слова — болтать) онъ не умѣлъ. Онъ любилъ только спорить. Нѣкоторыя черты изъ частной жизни Бѣлинскаго мы нашли въ интересныхъ воспоминаніяхъ г. Панаева, изъ которыхъ и приведемъ нѣсколько любопытныхъ страницъ.

«Чтобы видѣть Бѣлинскаго во всемъ блескѣ, говоритъ г. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, надобно было навести разговоръ на тѣ общественные предметы и вопросы, которые его живо затрогивали и раздражали его противорѣчіемъ; затронутый, онъ вдругъ выросталъ, слова его лились потокомъ, вся фигура дышала внутренней энергіей и силой, голосъ по временамъ задыхался, всѣ мускулы лица приходили въ напряженіе.... Онъ нападалъ на своего противника съ силою человѣка, власть имѣющаго, мимоходомъ игралъ имъ, какъ соломенкой, издѣвался, ставилъ его въ комическое положеніе, и между тѣмъ продолжалъ развивать свою мысль съ энергіей поразительной.

«Надобно было взглянуть на него также въ тѣ минуты, когда онъ писалъ что нибудь, въ чемъ принималъ живое, горячее участіе.... Лицо и глаза его горѣли, перо съ необыкновенною быстротою бѣгало по бумагѣ, онъ тяжело дышалъ и безпрестанно отбрасы-

валъ въ сторону исписанный полулистъ. Онъ обыкновенно писалъ только на одной сторонѣ полулиста, чтобы не останавливаться въ ожиданіи, покуда просохнутъ чернила.

«Сколько разъ заставалъ я его въ такія минуты и смотрѣлъ на него не замѣченный имъ; если же онъ оборачивался и взглядывалъ на меня прежде, нежели я уходилъ, онъ безъ церемоніи говорилъ мнѣ...

— «Извините меня, Панаевъ.... видите, я занятъ.

«Онъ откладывалъ на минуту перо и прикладывалъ руку къ головѣ. Я какъ теперь вижу его въ этомъ положеніи.

«Одинъ разъ я засталъ его ходящимъ по комнатѣ, въ волненіи и съ усиліемъ махающаго правою рукою.

— «Что съ вами? спросилъ я.

— «Рука отекла отъ писанья... Я часовъ 8 сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти и правда, но взгляните, ради Бога, сколько книгъ мнѣ присылаютъ.... и какія еще книги, — посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадательныя книжонки. И я долженъ непремѣнно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ!

«Онъ остановился на минуту, тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— «Да, и еслибъ знали вы, какое вообще мученіе повторять зады, твердить одно и тоже, все о Лермонтовѣ, Гоголѣ и Пушкинѣ, не смѣть выходить изъ опредѣленныхъ рамъ, все искусство, да искусство!... Ну какой я литературный критикъ! Я рожденъ пам-

флетистомъ и не смѣть пикнуть о томъ, что накипѣло въ душѣ, отъ чего сердце болитъ.*)

Такимъ образомъ, заваленный постоянно срочной журнальной работой, Бѣлинскій слабѣлъ день отъ дня и здоровье его сдѣлалось вообще очень плохо. Развившаяся болѣзнь, принудила его весною 1846 г. отказаться отъ обязанности работать въ Отечественныхъ Запискахъ и отправиться сначала въ Москву, а оттуда вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ, на югъ Россіи.

Поѣздка на югъ Россіи, хотя на время и облегчила страданія Бѣлинскаго, но, вообще говоря, принесла мало пользы его здоровью. Онъ вернулся въ Петербургъ осенью 1846 года, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вотъ что писалъ В. С. Б-ну о своемъ здоровьѣ: «Если бы ты теперь пріѣхалъ въ Петербургъ и засталъ бы меня въ такомъ положеніи, какъ я чувствую себя теперь, ты бы нашелъ во мнѣ совершенно другаго человѣка, въ сравненіи съ тѣмъ, котораго видѣлъ около года назадъ тому. А я и теперь еще не внѣ опасности. Вчера я оставилъ мое письмо къ тебѣ на столѣ и жена заглянула въ него. «Ты, сказала она мнѣ послѣ, — пишешь къ Василію Петровичу, что былъ недавно немножко нездоровъ, — ты ошибаешься; у тебя

---

*) Изъ письма Бѣлинскаго В. С. Б-ну.

....Я писалъ въ Отечественныхъ Запискахъ, даже объ азбукахъ, пѣсенникахъ, гадательныхъ книжкахъ, поздравительныхъ стихахъ швейцаровъ клубовъ (право), о клопахъ, наконецъ, о нѣмецкихъ книгахъ, въ которыхъ я не умѣлъ перевести даже заглавіе; писалъ даже объ архитектурѣ, о которой я столько же знаю, сколько объ искусствѣ плести кружева. Изъ меня сдѣлали чернорабочаго, водовозную лошадь, шарлатана, который судитъ о томъ, въ чемъ не смыслитъ ни малѣйшаго толку.

опять показались раны на легкихъ и Тильманъ струсилъ. Онъ говоритъ, что ты больной исключительный, какихъ у него не бывало: о всякомъ другомъ, въ этой болѣзни, онъ можетъ сказать навѣрное — умретъ-де и тогда-то или выздоровѣетъ; о тебѣ же, онъ ничего не можетъ сказать, потому что много разъ считалъ тебя обреченнымъ на смерть и опредѣлялъ ея время, а ты, глядишь, чрезъ три, четыре дня, опять далекъ отъ смерти.»

Дѣйствительно, дней черезъ пять, раны на легкихъ опять исчезли и теперь я себя чувствую препорядочно.»

Вотъ въ какомъ шаткомъ состояніи было здоровье Бѣлинскаго въ 1847 году, когда онъ возвратился изъ своей поѣздки въ южныя губерніи Россіи. Съ редакціей Отечественныхъ Записокъ онъ уже не хотѣлъ имѣть никакого дѣла и потому нужно было подумать о средствахъ къ жизни. Въ это время было задумано изданіе новаго журнала «Современника,» куда былъ приглашенъ Бѣлинскій, въ качествѣ постояннаго сотрудника, по отдѣлу критики, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, обезпеченный со стороны матеріальной, Бѣлинскій съ жаромъ принялся за новое дѣло, дѣятельно заботясь объ успѣхѣ новаго журнала.

А между тѣмъ, здоровье его начало измѣнять ему, силы его проподали; по совѣту доктора и друзей, ему необходимо нужно было хоть на самое короткое время съѣздить за границу. Обезпеченный съ денежной стороны новой редакціей Современника, весною 1847 г., Бѣлинскій на пароходѣ отправился за границу.

Онъ воротился въ Петербургъ въ концѣ августа. Первое время по возвращеніи, онъ чувствовалъ себя

гораздо лучше и свѣжѣе прежняго. Онъ самъ началъ надѣяться на свое выздоровленіе. Послѣдняя квартира, въ которой жилъ Бѣлинскій, была на Лиговкѣ, въ домѣ Галченкова. Квартира была удобная и большая, во флигелѣ, на дворѣ обширнаго дома.

Съ наступленіемъ поздней осени, болѣзнь Бѣлинскаго возвратилась съ новой силой. Кашель и удушіе измучили его. Силы его ослабѣвали замѣтно съ каждымъ днемъ. Въ такомъ состояніи, быстро угасая, провелъ Бѣлинскій осень и зиму 1847 года. Съ наступленіемъ весны, болѣзнь начала дѣйствовать еще быстрѣе и разрушительнѣе. Чахоточная смерть была неизбѣжна и самъ больной понялъ очень хорошо безнадежность своего положенія, и не мечталъ уже о выздоровленіи.

Онъ умеръ 38 лѣтъ отъ роду, въ 1848 году, 28 мая, въ годовщину рожденія Пушкина, поэта, котораго такъ горячо любилъ Бѣлинскій.

Присутствовавшіе при послѣднихъ минутахъ Бѣлинскаго разсказываютъ, что онъ, лежа уже безъ движенія и памяти на постели, вдругъ, вскочилъ прямо на ноги, съ сверкающими глазами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, и, проговоря невнятно, но съ странной энергіей какія-то слова, началъ падать. Его поддержали, положили въ постель, а чрезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ уже мертвый.

То была еще новая жертва времени, еще новая, невознаградимая потеря для Россіи, а между тѣмъ, только немногіе знали въ то время о его смерти и только не многіе петербургскіе друзья провожали его бѣдный гробъ до могилы, на Волково кладбищѣ.

Мы какъ начали, такъ и кончимъ нашъ очеркъ словами поэта, словами, сказанными надъ одинокой урной затерянной могилы:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы наивные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли:
Кипѣлъ, горѣлъ и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ —
И мы тебя почтили въ добрый часъ.
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ вѣтренное племя....
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила.

Д. Свіяжскій.

Цѣна 50 копѣекъ серебромъ.